

• А • Л • Е • К • С • Е • Й •

ТАЛАНТА

КРЫСА

КАЛУГИН

**ДВА ШАГА
ДО ГОРИЗОНТА**

Алексей Калугин
Два шага до горизонта

«ЭКСМО»

2001

Калугин А. А.

Два шага до горизонта / А. А. Калугин — «Эксмо», 2001

Все во Вселенной взаимосвязано, и 156 планет, разбросанных по разным ее уголкам, обитатели большинства из которых даже и не подозревают о существовании своих соседей, невидимой нитью соединены в Кольцо Миров. Любое происшествие в одном из миров Кольца порождает событийную волну, которая, продвигаясь от мира к миру, набирает силу и постепенно превращается в сметающее все на своем пути стихийное бедствие, способное вызвать вселенский катаклизм. Чтобы этого не произошло, таинственные хранители и создали в незапамятные времена Центр, задача которого – локализовать событийные волны, не дать погибнуть Вселенной. Граис – посланец Центра на отсталой планете Тесса-3, уже однажды уберег Мироздание от грозящей ему опасности. Он покинул планету, оставшись в памяти ее жителей как великий пророк. Но спустя полтора десятилетия ему пришлось возвратиться...

© Калугин А. А., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	22
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алексей Калугин

Два шага до горизонта

Великий путь неназываем.

Великое доказательство бессловесно.

Великая человечность нечеловечна.

Великая честность не блюдет приличий.

Великая храбрость не выглядит отвагой.

«Чжуан-Цзы».

Пролог

Я открываю дверь и замираю на пороге огромного зала.

Стены и своды его уходят куда-то вдаль, создавая впечатление бесконечности заключенного в них пространства. Разумеется, это всего лишь иллюзия, создаваемая особыми оптическими свойствами покрытия и точно просчитанным пространственным расположением строительных панелей, – каждая из них установлена под строго определенным углом, позволяющим многократно отражать зеркальную глубину стен, не фиксируя при этом то, что находится в самом зале. И, тем не менее, всякий раз, когда я стою на пороге этого зала, мне кажется, что я должен сделать шаг в пустоту. Когда я делаю первый шаг, на короткое, почти неуловимое мгновение у меня, словно при падении в бездну, перехватывает дыхание.

Иллюзия пустоты настолько достоверна, что даже я, опытный ксенос, в первый момент неизменно воспринимаю ее, как реальность.

Порою мне кажется, что хранители умышленно создали в зале иллюзию убегающего пространства, с тем, чтобы каждый входящий в него работник Центра ощущал себя песчинкой, затерявшейся в бескрайних просторах Вселенной. Я, например, стоя на пороге зала, всегда вспоминаю слова, произнесенные моим наставником, когда я впервые изъявил желание заняться работой ксеноса: «Не думай, что ты станешь всемогущим творцом или вершителем судеб. Ксенос – это всего лишь инструмент, используемый Мирозданием с целью, которую сам он не всегда способен постичь».

Что там было на уме у хранителей, когда они проектировали и создавали Центр, – теперь уже точно не может сказать никто. К настоящему времени в живых не осталось ни одного из тех, кто когда-то впервые встретился с представителями ставшей ныне едва ли не легендарной космической сверхцивилизации. Да и происходила ли когда-либо подобная встреча в реальности? Если Кольцо Миров существует от начала Мироздания, то, следовательно, и Центр должен был возникнуть одновременно с ним. Откуда в таком случае появились сами хранители?

Со временем вопросы, связанные с возникновением Центра, с его местонахождением в пространстве и с тем, кто и каким образом направляет его деятельность, отошли для меня на третий план. Фактически я вспоминаю о них только, когда вхожу в зал. В конце концов, какая разница, кто и когда создал Центр? Если и существует некто, кому известны все механизмы управления работой Центра, то я с ним не знаком.

Мне лично работа в Центре дает чувство осознания собственного места во Вселенной, что, на мой взгляд, само по себе является достойной компенсацией за труд.

На миг задержав дыхание, я решительно вхожу в зал. Шагов почти не слышно, хотя я старательно припечатываю подошвы к полу. Звуки глухнут и расплываются, словно покрытие пола, похожее одновременно на камень и на стекло, впитывает их в себя.

Зал кажется пустым. Однако пустота эта столь же обманчива, как и бесконечная глубина зала, – невидимые стены скрывают в себе огромное число таких же невидимых поворотов и ниш.

Место это грандиозное и величественное, но... Почему-то я его не люблю.

Когда я еще только начинал работать ксеносом, кто-то из моих более старших и опытных коллег сказал, что главным моим достоинством является умение ждать. В то время это было сказано просто в шутку, однако сейчас оброненные ненароком слова неожиданно приобрели вид пророчества: спустя пятнадцать лет я снова должен вернуться к работе на Тессе-3. Но уже с новым руководителем проекта...

Оглядываясь по сторонам, я прохожу к центру зала. Находящаяся там огромная трехмерная схема Кольца Миров – единственное место в зале, видимое из любой его точки.

Проникнув взглядом сквозь сплетение ветвящихся линий, опутывающих пространство схемы, я нахожу небольшой голубовато-зеленый шарик, – мир, значащийся в каталоге Центра под условным именем Тесса-3. Восприняв мой взгляд как запрос, схема увеличивает и приближает изображение. Рядом с Тессой-3 остаются только те миры, которые объединяет с ней ближайшая событийная волна, направленность и сила воздействия которой обозначается интенсивностью окраски связывающих их линий. Рядом с Тессой-3 прямо в воздухе появляется развернутое меню, воспользовавшись которым можно сделать запрос по любому предмету, имеющему отношение к данному миру.

О Тессе-3 мне известно едва ли не больше, чем всему банку данных Центра, поэтому я мысленно даю команду отменить запрос, и схема мгновенно приобретает первоначальный вид.

В который уже раз я думаю о том, что укоренившееся и давно ставшее для всех привычным название «Кольцо Миров» совершенно не соответствует действительности. И кому только могло прийти в голову подобное обозначение? То, что представлено на схеме, скорее уж напоминает перепутанную и смятую в комок нитку бус. Нитью же, связывающей между собой 156 миров, разбросанных по Вселенной, обитатели большинства из которых даже и не подозревают о существовании своих соседей, являются событийные волны. И в данном случае название с убийственной точностью определяет суть явления. Это именно волны, которые продвигаются от мира к миру, набирая силу и накапливая разрушительную мощь. Волны, способные, не будучи вовремя остановленными, превратиться в сметающее все на своем пути стихийное бедствие.

Понять природу данного явления не так-то просто. Я, например, даже и не пытаюсь. Но вот законы распространения событийных волн и их взаимодействия с событиями, происходящими на местах, изучены досконально. Хотя, следует заметить, основная заслуга в этом принадлежит все тем же хранителям.

Мне же, как, впрочем, и подавляющему большинству других штатных сотрудников Центра, не имеющих прямого отношения к анализу возможных последствий прохождения событийной волны, известно только то, что она представляет собой некий мощный космогонический фактор, действующий на подпространственном уровне. Объясняя принцип его действия неспециалистам, астрофизики обычно используют в качестве наглядного примера принцип домино. Перемещаясь от мира к миру, событийная волна вызывает цепочку разрушительных явлений, как на природном, так и на социальном уровне. Костяшки падают одна за другой, а событийная волна при этом вбирает в себя заложенную в них потенциальную энергию. При бесконтрольном развитии процесса событийная волна имеет постоянную тенденцию к усилению своей разрушительной мощи. По прогнозам аналитиков Центра все планеты, входящие в Кольцо Миров, были бы полностью уничтожены в течение ста пятидесяти лет, если бы в свое время хранители не научились создавать буферные зоны на пути следования событийных волн с тем, чтобы отвести их энергию в иное, безопасное русло.

Поскольку Кольцо Миров до сих пор существует, можно сделать вывод, что хранители и сами неплохо справлялись с этой задачей. Но почему-то, в конце концов, они создали Центр и передали контроль за распространением событийных волн выбранным ими для этой цели представителям планет, входящих в Кольцо Миров. Подлинную причину этого своего решения они, как обычно, не стали никому объяснять. Должно быть, в нем присутствовала какая-то логика, понятная лишь самим хранителям. Я, например, склонен считать, что хранители попросту устали от необходимости постоянно делать выбор между большим и меньшим злом. Простым же смертным подобный выбор дается куда легче. Хотя не всем и не всегда. Аналитикам, работающим в Центре, легко просчитать, сколько жизней в условном для них мире А спасет гибель всего лишь одного человека в таком же условном мире В. Но никто не спрашивает ксеносов, работающих не со статистическими данными, а с живыми людьми, каково им наблюдать за тем, как погибает человек, и не только ничего не предпринимать при этом, но и следить, чтобы гибнущему не смог оказать помощь кто-то иной...

В древности говорили, что для подобных испытаний нужно иметь стальные нервы и каменное сердце... Для нашей работы лучше вообще ничего не иметь: ни нервов, ни сердца, ни чувств, – только разум, холодный и рассудительный, способный просчитать последствия любого совершаемого действия на десять ходов вперед.

– Ксенос Иохим Граис...

Человек подошел ко мне сзади совершенно беззвучно и, наверное, думает, что оставался незамеченным до тех пор, пока не подал голос. Но я давно уже чувствовал присутствие постороннего у себя за спиной. Однако оборачиваюсь только тогда, когда он называет меня по имени.

В двух шагах от меня стоит, едва заметно улыбаясь, руководитель проекта Аджи Кричет. Он примерно одного со мной возраста. И даже во внешнем облике каждого из нас можно подметить нечто общее. Мы оба худошавы, но крепко сложены. Но если я всегда держусь прямо, расправив плечи, то Кричет заметно сутулится. Лицо Кричета так же, как мое, чуть вытянуто, но черты – более резкие и глубокие. И я, и он носим длинные волосы. Но мои светлые, чуть рыжеватые разделены прямым пробором и свободно падают почти до самых плеч, а черные волосы Кричета аккуратно зачесаны назад и перехвачены на затылке тонким, почти незаметным, таким же черным шнурком. Не менее тщательно Кричет следит и за лицом – черная дуга умело подправленных усиков сливается с небольшим клинышком волос на подбородке. Сколько знаю Кричета, он постоянно выбирает для себя одежду черного цвета: узкие брюки, тонкий, облегающий фигуру свитер с воротом под самое горло и короткий пиджак с широкими отворотами и накладными карманами.

– Изучаешь поле предстоящей битвы? – Кричет взглядом указывает на схему у меня за спиной.

Похоже, улыбка его означает тонкую иронию... Что ж, если он хочет считать себя невежественно остроумным...

Я только пожимаю плечами и ничего не отвечаю. Не имею привычки отвечать на неконкретные вопросы.

Среди работников Центра не принято выяснять друг у друга, кто к какой расе принадлежит. Естественно, в дружеских беседах кто-то порою вспоминает о родной планете. Но большинство предпочитает хранить на этот счет молчание. В особенности это касается гуманоидов, которых в Центре подавляющее большинство. Поскольку никаких особых предписаний на этот счет не существует, можно предположить, что люди просто не хотят отягощать дополнительной моральной ответственностью своих товарищей, которым завтра, возможно, предстоит выполнять задание на планете, являющейся родиной кого-то из них. К сожалению, задания эти далеко не всегда бывают спокойными и приятными...

Я не знаю доподлинно, какая планета из Кольца Миров является родиной Кричета, но, общаясь с ним, постоянно ловлю себя на подсознательной, не поддающейся логическому объяснению уверенности в том, что это не Земля.

– Я пригласил тебя для того, чтобы поговорить о проекте, – не дождавшись ответа на свой вопрос, произносит Кричет.

– Почему именно здесь? – Я рукой обвожу кажущееся бесконечным пространство зала. – Можно было встретиться в кабинете.

– Атмосфера этого зала настраивает меня на деловой лад, – по тонким губам Кричета скользит тень улыбки. – А чем тебе не нравится это место? По-моему, Бесконечность – это самое прекрасное и одновременно загадочное, что есть во Вселенной.

Я снова ничего не отвечаю.

Плавным, едва ли не манерным движением руки Кричет приглашает меня пройти к одной из пристенных ниш, и, чуть припадая на левую ногу, направляется следом за мной.

В нише находится небольшой круглый столик, – полупрозрачная плоскость, висящая прямо в воздухе, – и два таких же круглых стула с узкими спинками.

Войдя в нишу, я сажусь на стул и складываю руки на коленях. Кричет остается стоять. Он занимает место напротив меня и опирается руками о край стола.

– Я вижу, ваятели уже поработали над твоим образом, – произносит он, скользя взглядом по моему лицу.

– Я доставил им не так много хлопот, – непроизвольным автоматическим движением я поднимаю руку и касаюсь пальцами щеки. – Оказалось достаточно двух сеансов для того, чтобы убрать незначительные следы возрастных изменений.

– Да, – кивает Кричет с удовлетворенным видом. – Сейчас ты выглядишь точно так же, как пятнадцать лет назад, когда возвратился с Тессы-3.

– Признаться, я был против устранения возрастных изменений, – говорю я. – Человеку свойственно стареть.

– Это во время твоего первого посещения Тессы ты играл роль простого странствующего проповедника, – усмехается Кричет. – С тех пор ты превратился для жителей Йера в легендарную личность. Странно было бы, если бы мудрец, несущий Слово Поднебесного, выглядел так, словно прожил обычную земную жизнь.

Я считаю своим долгом согласиться:

– Должно быть, ты прав, – произношу я уверенно, глядя на Кричета.

– У тебя нет никаких сомнений? – Левая бровь Кричета слегка приподнимается, как будто я сказал совсем не то, что он рассчитывал от меня услышать.

– Только одно, – отвечаю я, по-прежнему не отводя взгляда в сторону. – Почему от руководства операцией на Тессе-3 отстранен Месс-ди-Месс?

– Не отстранен, а переведен, – деликатно поправляет меня Кричет.

– И все же, в чем заключается причина этого решения?

– Месс-ди-Месс прекрасный специалист, – произносит Кричет тоном наставника, которому приходится объяснять прописные истины нерадивому ученику. – Его знания и опыт понадобились на ином, более сложном и ответственном участке работы.

– Месс-ди-Месс знаком с условиями работы на Тессе, – стараюсь не перегнуть палку, я все же продолжаю настаивать на более конкретном ответе.

– Вне всякого сомнения, – соглашаясь с этим утверждением, Кричет слегка наклоняет голову. – Операция по созданию буферной зоны на территории Йера, которую вы с ним провели, была не только профессиональна, но и в высшей степени виртуозна. Обычно для достижения подобной цели требуются усилия не одного десятка ксеносов, а ты смог справиться с ней практически в одиночку. Именно поэтому и наша новая операция спланирована по той же самой схеме, которую использовал в свое время Месс-ди-Месс.

– Пятнадцать лет назад все вышло само собой, – говорю я. – Первоначально в мою задачу входило только изучение возможных последствий прохождения событийной волны через территорию Йера.

– Но, когда Месс-ди-Месс понял, что там может быть создана плотная буферная зона, он не упустил возможности воспользоваться этим!

– Импровизация, – пожимаю я плечами, не желая придавать этому слишком большого значения.

В свое время, после успешного завершения первой стадии операции, мы с Месс-ди-Мессом уже в достаточной мере наслушались возвышенных дифирамбов.

– Блестящая импровизация! – Кричет вскидывает руку с вытянутым вверх указательным пальцем. – Но на сей раз, – он снова улыбается, – это будет уже не импровизация, а тщательно просчитанный и выверенный план, – Кричет наклоняет голову к левому плечу. – Я вижу, у тебя все же остались какие-то сомнения?

– Почему снова Йер? Я слышал доводы комиссии и читал статьи проекта, и все же... Йер уже пятнадцать лет служит буфером для событийной волны. Срок достаточно долгий. Пора предоставить йеритам право самим выбирать свою судьбу.

– Этот вопрос уже обсуждался на общем собрании аналитической и оперативной групп. – Мне кажется, что Кричет разочарован моими словами. Ему как будто лень вновь, в который уже раз, приводить одни и те же, прекрасно всем известные доводы. – Тебе не хуже, чем мне, известно, что уже велась работа по подготовке новой буферной зоны на Тарке-1. Но непредвиденный всплеск событийной волны на Саркане не оставил нам времени для завершения начатого. Теперь только буфер на Тессе-3 может спасти от разрушительного воздействия событийной волны Крак-6, Инсмур и Маскар-4. Это во-первых, – Кричет демонстрирует мне свой указательный палец с длинным блестящим ногтем. – Во-вторых, – Кричет выбрасывает из сжатого кулака средний палец. – Воздействие, которое мы в свое время оказали на Йер, было минимальным. И, на мой взгляд, сыграло положительную роль в истории этой страны. К тому времени Йер уже находился под властью Кахимской империи. Мощного организованного сопротивления захватчикам со стороны раздробленных родовых кланов йеритов ожидать не приходилось. Отдельные же восстания не привели бы ни к чему, кроме бессмысленных жертв. Месс-ди-Месс, со свойственной ему прозорливостью, сумел найти то единственное, что объединяло всех йеритов, и с помощью чего можно было воздействовать одновременно на все население Йера. Это была вера йеритов в единого бога, которого они называют Поднебесным. Именно поэтому религиозно-философское учение о Пути к Поднебесному, которое ты распространил среди них, было безоговорочно воспринято практически всем населением Йера. Постой! – взмахом руки Кричет останавливает меня, когда я пытаюсь возразить. – Я догадываюсь, что ты хочешь сказать. Идеи, которыми ты увлек йеритов, – непотворение злу, воздаяние свыше за совершенное зло, награда за долготерпение и прочее, – сами по себе совсем неплохи, но в конкретной ситуации они позволили Кахимской империи упрочить свою власть над поработанным народом. Верно?

Я молча киваю. Кричет говорит с таким воодушевлением, напором и азартом, что мне ничего иного и не остается, как только слушать его, не перебивая.

– А я тебе скажу вот что, – продолжает Кричет, – если бы йериты не смирились со своим положением, то власть империи, лежащая на их плечах тяжким гнетом, превратилась бы в жестокий террор. Тебе ведь известна история Тессы-3. Вспомни, как за пять лет до завоевания Йера поступила Кахимская империя с Буссаром, жители которой объявили захватчикам войну до полного уничтожения. Кахимцы отказались от открытого сражения. Они согнали сотни тысяч рабов, среди которых были те же буссарцы, и перекрыли русло огромной реки, орошающей земли Буссара. Через два года Буссар, в результате неурожая и последовавшего за ним голода, лишился двух третей своего населения. Остальных уничтожили вошедшие на тер-

риторию Буссара имперские легионы. То же самое ожидало бы и Йер. Так что можешь считать, что ты не только предотвратил новый всплеск событийной волны, но и спас жителей Йера от поголовного уничтожения.

– Йер уже никогда не станет прежним.

– В мире не существует постоянства, – как будто сожалея о такой оплошности природы, разводит руками Кричет. – Пятнадцать лет назад буферной зоной, способной остановить событийную волну, могло стать только единое государство с твердой властью на территории Йера. Поскольку в то время в Йере, по сути, не существовало никаких общих для всей страны государственных структур, властные полномочия на его территории могли осуществить только люди, пришедшие извне. Это и обернулось для Йера властью Кахимской империи. Вашей с Месс-ди-Мессом несомненной заслугой является то, что вы смогли сделать власть империи в Йере прочной, как никогда, не прибегая к чересчур жесткому воздействию на местное население. – Кричет снова опирается рукой о край стол и подается вперед. – Йериты были готовы к тому, чтобы воспринять идею власти, данной от бога. Они только ждали, когда кто-нибудь достаточно убедительно скажет им об этом. В противном случае тебе вряд ли удалось бы убедить в этом целую страну... Или ты не согласен и с этим?

– Я считал, что решающую роль в этом сыграла та часть проповедуемого мною учения, в которой речь шла о том, что любой человек может выбрать свой Путь к Поднебесному и идти по нему вне зависимости от внешних условий, – говорю я.

– Это всего лишь две стороны одной медали, – мягко улыбается Кричет. – Государство может уничтожить человека, но неспособно властвовать над его душой. Весьма убедительно, следует признать. В особенности для рабов, у которых помимо души ничего больше не осталось... Хотя, может быть, кроме души ничего и не надо? – лукаво добавляет он и улыбается, довольный своей шуткой.

– Для того, чтобы сохранить даже просто душу, требуется приложить немало усилий.

– Должно быть, слишком уж много, – Кричет усмехается. Едва заметно, чтобы не задеть моего самолюбия. – Иначе, чем еще объяснить, что, когда ты угодил в тюрьму и тебе грозила смертная казнь, ни один из твоих учеников не попытался освободить тебя?

– У них была иная миссия, – сухо отвечаю я. Разговор об учениках был мне неприятен, хотя я, пожалуй, и сам не могу объяснить, почему именно. – Им предстояло и дальше нести мое учение своему народу.

Должно быть, мой ответ не удовлетворяет Кричета.

– И первое время у них это неплохо получалось, – говорит он. – В особенности преуспел один из них, по имени Сирх. Двое других, Федр и Грестин, покинули Йер и продолжали проповедовать твое учение в других странах. Удивительно, но там учение, сориентированное, в первую очередь на жителей Йера, также нашло немало приверженцев...

– Учение, разработанное Месс-ди-Мессом, достаточно универсально. Я думаю, оно могло бы найти приверженцев не только на Тессе-3, но и на некоторых других планетах.

– Ну мы все-таки не миссионеры, а работники Центра, – усмехается Кричет, принимая мои слова за шутку. – И сейчас нас интересует главным образом Сирх. Вскоре после того, как ты покинул Йер, в народе его стали называть твоим преемником. Ему, конечно же, не хватало твоего умения творить чудеса и ореола мученика, но тем не менее проповедником он был неплохим. Кахимский наместник, находившийся в то время в Йере, почему-то решил, что учение, провозглашенное тобой и проповедуемое Сирхом, представляет угрозу для власти империи. На последователей Сирха начались гонения. Одно время Сирх даже был объявлен врагом империи номер один, и за его голову назначили награду. Подобные действия наместника играли нам на руку. Давление Кахима на Йер усиливалось, а, следовательно, и буферная зона становилась более плотной. Все изменилось шесть лет назад, когда в Йер прибыл новый наместник по имени Центий Офр. Он оказался весьма проницательным и умным

человеком и очень скоро понял, что проповедуемое Сирхом учение не только не представляет собой никакой угрозы, но, напротив, облегчает жизнь наместника Кахимской империи. Он разыскал Сирха и, окружив его почестями и лаской, сделал своим официальным идеологом, – Кричет снова усмехается и слегка качает головой. – Слаб человек. Видно, Сирху надоело бродяжничать и нищенствовать. Он взалкал богатства, власти и официального признания. А наместник, таким образом, взял под свой контроль наиболее крупные общины последователей Сирха по всей стране. Но этот абсолютно верный ход, с точки зрения Кахимского наместника, оказался губительным для нашего проекта. С того момента, как Сирх начал свободно разъезжать по стране со своими проповедями, буферная зона на территории Йера стала медленно, но неумолимо разрушаться. Сейчас там действуют одновременно два фактора. С одной стороны, ослабло давление на Йер со стороны Кахимской империи. После убийства императора Карадоса Четвертого на престол взошел его племянник Милитек – правитель бездарный, но амбициозный. Успокоенный миром, царящим в Йере, он вывел оттуда большую часть армии, перебросив ее на новые фронты. Одновременно с этим народ Йера начал разочаровываться в проповедуемом Сирхом учении. Причина этого кроется главным образом в том, что Сирх, получив одобрение и поддержку наместника, не только не попытался это скрыть, но напротив, стал бравировать своей близостью к облеченному властью представителю Кахима. Точно так же он начал выставлять напоказ и внезапно свалившееся на него богатство. Возможно, он считал, что признание со стороны наместника сыграет ему на руку, укрепив веру простого народа в истинность его учения, – теперь он уже считает учение о Пути к Поднебесному своим! – с которым не смогла совладать даже всемогущая Кахимская империя. Однако все вышло как раз наоборот. То, что с восторгом принималось из уст нищего проповедника, преследуемого властями, в исполнении преподобного Сирха было напрочь отвергнуто. В Йере снова начались волнения. Пока наместнику удастся справиться с ними. Но по самым оптимистическим прогнозам аналитиков Центра Офр сможет контролировать ситуацию в Йере еще максимум полгода. По истечении этого срока власть Кахимской империи в Йере ослабнет настолько, что буферная зона окажется практически разрушенной и будет не в состоянии сдерживать событийную волну, движущуюся со стороны Саркана...

Я слушаю Кричета, не перебивая, но с откровенным непониманием. К чему снова излагать всю эту длинную предысторию второй стадии проекта на Тессе-3, если об этом уже не раз говорилось на собраниях различных групп и подразделений Центра? Я не могу понять, зачем Кричет пригласил меня сюда? Чтобы услышать от непосредственного участника первой стадии проекта одобрение принятых им решений? Вряд ли... Насколько я знаю Кричета, он не из тех, кто меняет свое решение, едва услышав неодобрительный отзыв о нем. Да и поздно уже что-либо менять.

Я первый противник идеи повторного использования Йера в качестве буферной зоны, но и я понимаю, что в сложившейся ситуации иного выхода нет, поэтому и не высказываю почти никаких возражений. Единственное мое требование заключается в том, чтобы новое воздействие на Йер было как можно более мягким и незаметным для населения. Кричету это прекрасно известно. Тогда с какой целью он затеял весь этот разговор?

Возможно, Кричет, беседуя со мной, хочет незаметно просканировать мое сознание, чтобы выяснить, не испытываю ли я перед предстоящей операцией каких-нибудь скрытых колебаний или сомнений.

Не являясь чистым телепатом, я, естественно, не обладаю способностью читать чужие мысли. Но, тем не менее, так же, как любой ксенос, прошедший специальную подготовку, владею основными приемами психотехники, и психопреобразователь уже имплантирован в мое левое запястье. Я без труда могу распознать любую попытку несанкционированного вторжения в мою психику и противостоять ей.

Нет, у Кричета на уме что-то иное...

– В принципе существуют два пути восстановления буферной зоны на территории Йера, – продолжает между тем руководитель проекта. – Первый: можно заставить Кахимскую империю вернуть армию в Йер и установить там жесткий режим военной диктатуры. Любые предпосылки к мятежу должны нещадно подавляться. Метод жестокий, но эффективный. Если империя раздавит своей массой Йер так, что он уже не сможет снова оправиться и подняться с колен, то на территории этой страны длительное время будет сохраняться надежная буферная зона. Естественно, при наличии альтернативы мы не используем подобные методы. Альтернативой же диктатуре Кахимской империи являешься ты, Граис. Вторая возможность восстановления буферной зоны всецело зависит от того, сумеешь ли ты сработать так же четко и надежно, как в прошлый раз.

– Я смогу это сделать, – отвечаю, почти не задумываясь, стараясь при этом, чтобы слова мои звучали уверенно и убедительно. – И дополнительный назойливый контроль за моими действиями со стороны руководителя проекта мне не нужен.

– Не сомневаюсь в этом, – едва заметно качнувшись вперед, Кричет наклоняет голову. – Ты ведь не хуже меня понимаешь, что если твоя миссия провалится, то подготовить и провести новую операцию мы уже не успеем. И если бы у тебя были хотя бы малейшие сомнения в успехе операции, ты, конечно же, отказался бы от участия в ней...

Взгляд Кричета вонзается мне в переносицу.

– Сделаю все, как нужно, – все так же уверенно, но с некоторым внутренним напряжением, из-за того, что никак не могу понять, чего добивается Кричет, произношу я.

– Конечно, – снова кивает Кричет. – Надеюсь, на этот раз тебе не придется импровизировать.

– Я не собираюсь отклоняться от плана. Но, если возникнут непредвиденные обстоятельства...

– Все, что от тебя требуется, это просто прогуляться по Йеру. Вместо тебя будет работать твой образ чудом спасшегося от смерти и наконец-то вернувшегося после долгого отсутствия мессии. Теперь ни у кого и сомнений не возникнет в том, что твоими устами глаголет сам Поднебесный. Твое возвращение превратит учение, проповедуемое сейчас Сирхом, в монолит, который уже никому не удастся расколоть. А встретившись с самим Сирхом, ты объяснишь ему, что истинному проповеднику слова божьего следует быть скромнее и ближе к народу. Вот и все. Какие могут быть проблемы?

– Неясно, как отреагирует на мое возвращение новый наместник.

– Вот только к наместнику сам, как в прошлый раз, не суйся, – решительно взмахнул рукой Кричет. – Месс-ди-Месс сказал мне, что ты отправился к наместнику по собственной инициативе.

– Так оно и было, – не возражаю я.

– Так вот, на этот раз давай действовать строго по плану. Если возникнет необходимость, покажи народу парочку простеньких фокусов, и – все. С них и этого хватит.

– Если бы в прошлый раз мне удалось убедить наместника, что проповедуемое мною учение о Пути к Поднебесному ни для кого, в том числе и для имперской власти, не представляет угрозы, то, возможно, не понадобилось бы сейчас затевать новую операцию, – говорю я.

– Так ведь не удалось же, – разводит руками Кричет.

С минуту мы молча смотрим друг другу в глаза. Каждый ожидает, что скажет другой. Первым нарушает молчание Кричет.

– Ну что ж, – дружески улыбается он. – Надеюсь, что и на этот раз мы сработаем не хуже, чем пятнадцать лет назад это получилось у тебя с Месс-ди-Мессом. На некоторые вещи мы с тобой смотрим по-разному, но, что самое главное, – между нами существует взаимопонимание. Это все.

– Я могу идти? – спрашиваю я, немного удивленный таким неожиданным окончанием разговора.

– Конечно, – быстро кивает Кричет.

Я поднимаюсь со стула и молча направляюсь к выходу.

Кричет окликает меня, когда я уже нахожусь в центре зала:

– Да, Граис! Еще один небольшой вопрос.

Я останавливаюсь и, не проявляя особой поспешности, оглядываюсь.

– Скажи мне, почему во время операции ты пользовался собственным именем? – чуть прищурился левый глаз, спрашивает Кричет.

– Оно созвучно именам йеритов и одновременно с этим немного необычно для них, – отвечаю я.

– И тебя это нисколько не смущает?

– Что именно?

– То, что йериты обращаются к тебе так же, как коллеги из Центра.

– А почему, собственно, это должно меня смущать?

– Мне всегда казалось, что ксеносы предпочитают четко разграничивать свою личную жизнь и работу.

– Так оно и есть.

Кричет молча смотрит на меня.

Я поворачиваюсь к нему спиной и иду к выходу.

Глава 1

Едва приметная тропа, усеянная острыми камнями, тянется через однообразно унылое плоскогорье, петляя среди хаотичного нагромождения скальных обломков. Не видно ни деревца, ни травинки, хотя желтые, вылизанные дождями и ветрами коряги порою попадаются на глаза одинокому путнику, который, неторопливо и размеренно переставляя ноги, движется в сторону восходящего солнца. В воздухе все еще сохраняется ночная прохлада, но путник знает, что как только солнце поднимется чуть выше и тени от скал сделаются короче, по земле Йера разольется знойная духота.

Зона перехода, связывающего Центр с Тессой-3, находится в труднодоступной горной местности, в стороне от караванных дорог. Граис намеренно выбрал для перехода ночное время, чтобы не тащиться по полуденной жаре. Он рассчитывал к восходу добраться до столицы Йера Халлата, но в предрассветных сумерках неожиданно обнаружил, что сбился с пути. Ему без особого труда удалось найти тропинку снова, но он не мог даже приблизительно сказать, сколько времени потерял, блуждая среди кажущихся в темноте абсолютно одинаковыми каменных глыб.

Приложив ладонь козырьком ко лбу, Граис посмотрел на солнце. У него оставалось еще минут сорок, максимум – час, после чего плоскогорье превратится в огромную раскаленную сковороду. Тогда уже нужно будет думать не о том, как поскорее добраться до Халлата, а об укрытии от безжалостного солнца. Лучше всего для этой цели подошла бы неглубокая расщелина между валунами. Только прежде чем забираться туда, следовало убедиться, что ее уже не облюбовала парочка песчаных змей.

Подумав об этом, Граис порадовался тому, как быстро возвращаются к нему былой опыт и знание местных особенностей. Достаточно было сделать всего несколько шагов по земле Йера, и он вновь ощутил себя йеритом. Как будто и не было пятнадцати лет, проведенных в Центре и на других планетах.

Граис поправил на плечах большой треугольный платок – непременный атрибут одеяния любого йерита. В Йере выйти без такого платка из дома было бы полнейшим безумием. В полуденную жару его накидывали на голову, спасаясь от палящего солнца.

Платки традиционно были белыми с узкой полоской по краю и кистями на концах. По рисунку на кайме и цвету кистей можно было определить, к какому родовому клану относится йерит. Кроме того, по тому, насколько хорош и дорог платок, можно было косвенно судить и о материальном благосостоянии его обладателя.

Граис так же, как в первое свое посещение Йера, выбрал платок с пурпурными кистями и ромбами по кайме, обозначающими его принадлежность к клану Джи, представители которого жили на севере Йера, главным образом в окрестностях Сиптима, и редко появлялись в столице. Как платок, так и вся остальная одежда Граиса – просторная рубашка из белого полотна с глубоким вырезом до живота, перепоясанного шнуром, продетым в петли по краям, и такие же белые штаны, достающие до щиколоток, – были характерны для йерита с достатком чуть ниже среднего. Только сандалии его, хотя и имели вполне обычный вид, – широкие кожаные подошвы, крепящиеся к ступням четырьмя ремешками, – на самом деле были сделаны из прочного и необыкновенно удобного пневмопластика. Такие подошвы не только надежно защищали ступни от любых острых предметов, встречающихся на дорогах, но и, обладая отменными амортизационными качествами, в значительной степени снижали нагрузку на ноги при ходьбе на большие расстояния.

Но сейчас, даже при наличии столь замечательной обуви, Граис чувствовал усталость. Ему хотелось присесть и отдохнуть, но он заставлял себя, не останавливаясь, идти дальше.

Если жара застанет его на плоскогорье, то до Халлата он доберется только поздно вечером. А это означало бы, что будет потерян целый день.

Граис накиннул на голову платок так, чтобы край его прикрывал глаза от слепящих лучей солнца. Шагу он не прибавил, понимая, что незначительный выигрыш в скорости привел бы к неоправданным затратам сил.

Он успел спуститься в долину как раз к тому времени, когда солнце начало жечь землю в полную силу. Добравшись до ближайшего дерева с развесистой кроной, Граис ненадолго присел в его благословенной тени.

Небольшая птица с серым оперением и ярко-красным хохолком опустилась на ветку дерева. Склонив голову к крылу, она с любопытством уставилась на неподвижно сидящего на земле человека.

– Иди сюда, – улыбнувшись, Граис протянул птице руку с раскрытой ладонью.

Птица пронзительно пискнула, взмахнула крыльями и, сорвавшись с ветки, упорхнула.

Граис досадливо цокнул языком.

Опершись руками о землю, он легко поднялся на ноги и снова зашагал в сторону города.

Вскоре роща, через которую он шел, закончилась, и Граис увидел высокую крепостную стену, возносящуюся, казалось, к самому небу. Чуть левее того места, где он вышел из рощи, проходила широкая грунтовая дорога, упирающаяся в массивные ворота, укрепленные широкими металлическими полосами.

Возле ворот, преграждающих вход в город, укрывшись от палящих лучей солнца в тени крепостной стены, прямо на земле сидели люди.

Направляясь к воротам, Граис вышел на дорогу.

Люди, сидевшие в ожидании неизвестно чего возле крепостной стены, наблюдали за приближающимся путником недобрыми взглядами. Даже на расстоянии Граис почувствовал исходящую от них волну агрессивной ненависти.

Подойдя ближе, Граис увидел, что все они одеты в лохмотья. Запах от них исходил весьма скверный – должно быть, самый чистоплотный из них мылся в последний раз месяц назад. К тому же почти все они были калеки: кто без руки, кто без ноги или даже без обеих ног, кто без глаза. Двое юродивых, сидя на корточках, пускали слюни и что-то невнятно бормотали, вперив взгляды безумно вытаращенных глаз в пустоту перед собой.

На дорогу прямо перед Граисом, поднимая тучи серой пыли, выполз безногий нищий, закутанный в драную хламиду, подол которой он накиннул себе на голову.

– Подайте медячок несчастному калеке, – жалобно проблеял безногий.

Граис молча достал из внутреннего кармана кожаный кошелек и положил в грязную ладонь нищего монету достоинством в дуз.

Видя щедрость незнакомца, заголосили и другие нищие, со всех сторон протягивая к Граису трясущиеся ладони.

Граис положил еще несколько монет в протянутые к нему руки, но от этого их не становилось меньше.

Неожиданно, оттолкнув плечом оказавшуюся ближе всех к Граису старуху, так что та упала и растянулась в дорожной пыли, вперед вышел еще не старый, крепкий на вид мужчина. Левая рука его была отрублена по самое плечо. Из-под грязного платка, накиннутого на кудлатую голову, злобно сверкали маленькие звериные глазки.

Граис сразу же признал в нем главаря шайки нищих, а потому протянул ему два дуза.

Безрукий повернул голову в сторону, презрительно сплюнул в пыль и только после этого быстрым движением выхватил из пальцев Граиса монеты и кинул их за пазуху.

– У тебя, видно, денег невпроворот, – медленно процедил он сквозь зубы.

– С чего ты это взял? – удивленно поднял брови Граис.

– Вход в город стоит пятнадцать дузов, – все так же медленно произнес однорукий. – И будь я проклят, если ты не припрятал за пазухой еще один кошелек.

– Еще бы! – взвизгнула худющая, как жердь, женщина с синим лицом и отрубленным ухом. – Хотел откупиться от нас мелочью!

Однорукий бросил быстрый взгляд в сторону ворот, чтобы убедиться, что за ними не наблюдает стража. Но створки ворот были плотно закрыты. Видимо, в столь ранний час никто еще не изъявил желания покинуть город. А здесь, на дороге, ведущей к воротам, также не было видно путников, кроме чудака, рискнувшего путешествовать в одиночку.

– Слушай сюда, – обращаясь к Граису, тихо произнес однорукий. – Я бы предпочел решить дело миром. Давай сделаем так: ты отдаешь мне свой кошелек, и я отсчитываю тебе из него пятнадцать дузов, чтобы ты смог заплатить за вход в город. По-моему, так будет справедливо.

– Ты собираешься ограбить меня и при этом говоришь о справедливости, – Граис пристально посмотрел в глаза нищего. – Поистине из-за азарта и жадности в человеческом сердце возникает безумие.

Глаза однорукого забегали по сторонам.

– Мне нужно идти, – сказал Граис и сделал шаг в сторону, чтобы обойти безрукого.

– Эй! Эй! – шамкая беззубым ртом, закричал старик с затянутыми бельмами глазами. – Я уже слышал эти слова!..

Все еще сидящий в дорожной пыли безногий, словно клещами, вцепился Граису в щиколотки. Граис потерял равновесие и начал заваливаться влево. Обернувшись, он увидел, что падает точно на подставленное одноруким длинное, остро заточенное шило. Поймав пальцами запястье однорукого, Граис чуть повернул его и сдавил так, что нищий завизжал от боли. Шило упало в дорожную пыль. Опершись на однорукого, Граис восстановил равновесие и одним почти незаметным поворотом стопы отшвырнул цепляющегося за его щиколотки безногого в сторону.

Когда Граису показалось, что он уже свободен, сбоку на него налетели еще трое нищих. Кто-то саданул его чем-то тяжелым по колену, и Граис снова едва не упал. Женщина-жердь вцепилась в его рубаху и дернула с такой силой, что едва не разорвала ее надвое. Через минуту уже вся свора нищих, окружив Граиса, подобно стае голодных псов, рычала и бросалась на человека, который только что щедрой рукой одаривал их деньгами.

Граис вначале только защищался, стараясь не причинять несчастным калекам дополнительных увечий. Однако, когда в руке одного из нищих сверкнуло тонкое лезвие ножа, он понял, что дело серьезно. Да и однорукий уже поднял с дороги свое шило и теперь стремился подобраться поближе к Граису, чтобы вонзить свое опасное оружие ему между ребер.

Подловив однорукого на ложном выпаде, Граис выставил руку вперед и раскрытой ладонью едва коснулся груди своего противника. Нищий с воплем отлетел на пару метров и, упав на обочину дороги, замер в неподвижности с разинутым ртом и откинутой в сторону рукой. Бросив быстрый взгляд на поверженного противника, Граис досадливо цокнул языком – выброс потока психокинетической энергии из ладони получился интенсивнее, чем он хотел.

В пылу драки ни нищие, ни Граис не заметили, что на дороге, ведущей к городу, появился одинокий всадник.

Увидев, что возле ворот происходит какая-то потасовка, всадник, прищпорив своего чеклака, пустил его в галоп. На скаку он выдернул из ножен узкий, чуть изогнутый клинок.

Налетев на нищих, всадник взмахнул над их головами саблей.

– Прочь, нечисть! – закричал он высоким, звонким голосом.

Увидев вооруженного человека, нищие сразу же бросились врассыпную. Возле дороги остались только все еще не пришедший в себя однорукий да слепой старик, скорчившийся возле стены.

– Убирайтесь прочь, твари! – погрозив убегающим саблей, прокричал им вслед всадник. Граис поправил на себе одежду и накинул на голову платок.

– Спасибо тебе, – сказал он, подняв взгляд на своего спасителя.

– Не за что! – приветливо улыбнулся всадник и, вставив клинок в ножны, ловко спрыгнул с чеклака. – Ты и сам неплохо дрался. Мне даже показалось, что ты умышленно действовал не в полную силу.

Всаднику на вид было не больше двадцати лет. На подбородке у него только начинала кудрявиться бородка, такая же светлая и мягкая, как его волосы, зачесанные на левую сторону, что сразу же выдавало в нем выходца из восточных провинций Йера. Подтверждением этому служил и его платок с алыми кистями и вышитыми золотом перекрещивающимися молниями – знаками клана Кай.

Юноша потрепал по гриве своего прекрасного вороного чеклака, который один, должно быть, стоил целого состояния, и снова повернулся к Граису.

– Чего ты не поделил с этими оборванцами? – спросил он.

– Я просто подал им милостыню, – пожал плечами Граис. – А они набросились на меня, решив поживиться поосновательней.

Граис подошел к лежащему неподвижно на земле однорукому и, наклонившись, дотронулся пальцами до активных точек у него на шее. Нищий дернулся и открыл глаза.

– Если милостив к людям, то и от людей тебе будет милость, – произнес Граис, обернувшись к юноше.

Увидев перед собой лицо Граиса, нищий пополз от него, отталкиваясь пятками и упираясь в землю единственным локтем. Отодвинувшись на пару метров, он проворно вскочил на ноги и кинулся вдогонку за своими приятелями.

Юноша посмотрел на Граиса с нескрываемым интересом.

– Я правильно тебя понял? Ты называешь людьми тех скотов, которые чуть было не разорвали тебя на части из-за нескольких дузов?

– Именно так, – подтверждая его слова, наклонил голову Граис. – Они, конечно же, являются далеко не лучшими представителями людского рода, но человек мудрости постоянно совершенствуется, помогая людям, поэтому никого не отвергает.

Юноша только покачал головой.

– Давно не было слышно в Йере подобных речей, – произнес он.

– Неужели? – удивился Граис. – А как же проповеди преподобного Сирха?

– Сирх?! – Брови юноши взлетели едва ли не к середине лба, что выражало одновременно и удивление, и возмущение, и недоверие к словам собеседника. – Откуда ты, чужестранец? По виду и говору ты вроде бы йерит. Но не могу поверить в то, что хотя бы один житель Йера не слышал проповедей Сирха!

– Меня не было в Йере почти пятнадцать лет, – ответил Граис.

– Тогда понятно, – кивнул юноша. – Ты пришел в Халлат пешком?

– Да, – ответил Граис.

– И без попутчиков?

Граис улыбнулся и молча развел руками.

– В таком случае тебе, можно сказать, повезло, что на тебя напали только под стенами Халлата, – заявил юноша. – Сейчас в Йере больше разбойников и бандитов, чем честных граждан.

– А ты сам не боишься путешествовать один? – спросил Граис.

– Я не один, – покачал головой юноша и указал рукой на дорогу, где показались четверо всадников. – Это моя охрана, – сообщил он и весело, совсем по-мальчишески улыбнулся. – Мне удалось оторваться от них.

– Должно быть, ты важная персона, если в пути тебя сопровождают четверо охранников, – высказал вполне обоснованное предположение Граис.

Юноша недовольно дернул уголком рта.

– Не я, а мой папаша, – сказал он.

– Позволь мне узнать имя твоего почтенного родителя.

– Никакой он не почтенный, – пренебрежительно махнул рукой новый знакомый Граиса и сразу же перевел разговор на другую тему. – Ты прибыл в Халлат с какой-то конкретной целью?

– Я просто хотел повидать старых знакомых, – ответил Граис и посмотрел на городские ворота. – Как мне сказали нищие, вход в город стоит теперь пятнадцать дузов.

– Халлат похож на учение Сирха, – усмехнулся юноша. – Стены высокие и крепкие только вокруг ворот, а пройдешь чуть в сторону – полно дыр. Но не волнуйся, незнакомец, нас с тобой пропустят бесплатно и через эти ворота.

– Что случилось, господин? – спросил у юноши один из подъехавших к ним охранников в традиционной одежде йеритов.

Рука его лежала на рукоятке наполовину выдвинутой из ножен сабли. Взгляд подозрительно косился на Граиса.

– Все в порядке, – махнул рукой юноша. – Я просто встретил знакомого. Позаботься лучше о том, чтобы нас пропустили в город.

Охранники подъехали к воротам. Один из них, наклонившись, трижды ударил рукояткой зажатого в кулаке хлыста по деревянной створке небольшого квадратного окошка. Окошко почти сразу же открылось. В проеме показалось красное, одутловатое лицо с обвислыми черными усами.

– Ну?.. – с трудом разлепив спекшиеся губы, недовольно произнесла голова в окошке.

– Открывай ворота! – рявкнул один из приехавших вместе с юношей воинов. – Сын преподобного Сирха прибыл ко двору наместника!

Даже не взглянув на бумагу, которую сунул ему под нос охранник, краснорожий проворно захлопнул окошко и кинулся открывать ворота.

– Ты сын преподобного Сирха? – удивленно посмотрел на юношу Граис.

– Да, – довольный произведенным впечатлением, но одновременно с этим и чуточку смущенный улыбнулся юноша. – Меня зовут Килос.

– Того самого Сирха, рыбака из Дрота, который стал учеником Граиса и потом пришел в Халлат? – автоматически пожав протянутую Килосом руку, спросил ксенос.

При упоминании имени Граиса озорные искорки мгновенно исчезли из карих глаз Килоса.

– Будь осторожен, незнакомец, – произнес Килос тише, чем говорил ранее. Должно быть, он не хотел, чтобы их услышали стражники у ворот. – Ты давно не был в Йере и поэтому, наверное, не знаешь, что за упоминание имени Граиса в связи с именем преподобного Сирха можно жестоко поплатиться.

– Я не боюсь произносить вслух свое имя, – проронил Граис.

– Что ты хочешь этим сказать? – подозрительно прищурился Килос.

– Меня зовут Граис, – слегка наклонив голову, представился ксенос.

– Но ты же не тот самый Граис из Сиптима, приговоренный к казни пятнадцать лет назад за призывы к бунту против Кахимской империи и таинственным образом бесследно исчезнувший из тюремной камеры в ночь перед казнью? – натянуто улыбнулся Килос.

– Именно тот самый Граис из Сиптима, – заверил его ксенос. – Только я никогда не призывал людей к бунту.

– Господин!

Вздрагнув от неожиданности, Килос оглянулся на окликнувшего его охранника.

Тот молча указал кнутом на уже открытые ворота.

– Послушай, ты, наверное, устал с дороги, – снова повернувшись к Граису, быстро заговорил Килос. – Быть может, ты не откажешься зайти со мной на ближайший постоялый двор, чтобы подкрепить свои силы пищей и вином?

– Почту за честь, господин Килос, – с благодарностью приложил руку к груди Граис. – Тем более что мне тоже хотелось бы расспросить тебя о твоём отце, которого я так давно не видел.

– Отлично, – радостно улыбнулся Килос. – Только не называй меня больше господином.

– Тогда скажи об этом и им, – указал Граис на охранников. – Успех дела – не в прославлении величия.

– Хорошо, – с серьёзным видом кивнул Килос. – Я подумаю об этом.

Они беспрепятственно вошли в город – стражи ворот, во избежание лишних неприятностей, даже не выглянули из своей будки.

Килос приказал охранникам свернуть в ближайшую улочку и остановиться возле постоялого двора.

В небольшом обеденном зале, куда их провёл маленький, верткий хозяин, сразу же смекнувший, что к нему пожаловали богатые гости, царил полумрак – окна были защищены от солнца плотными занавесями. Только за одним из столов сидели трое пьяных шалеёв из имперской гвардии. Охранники Килоса собрались было выставить их на улицу, но юноша, взмахнув рукой, велел им не затевать бессмысленную свару.

– Подай нам вина, – бросил он хозяину, присаживаясь за стол. – Кахимского.

– Извините, господин, – почтительно согнул спину хозяин. – Кахимского у меня нет.

– Тогда давай лучшее из того, что имеешь, – сказал Килос. – И поесть. Вы тоже себе что-нибудь закажите, – велел он охранникам.

Не прошло и минуты, как на столе уже стояли запотевшие кувшины с холодным вином, тарелки с изюмом и сыром. Отдельно была подана закопченная на вертеле холодная труква, коричневая поджаристая корочка которой блестела от слоя прозрачного жира.

Охранники заняли стол возле самого входа, так что им не было слышно, о чем разговаривал их хозяин с человеком, которого встретил у ворот.

Килос разлил вино в кружки и, сделав из своей пары глотков, отломил у птицы ногу. Граис, заедая терпкое йерское вино, кинул в рот несколько изюмин.

– Поистине велик Поднебесный, подаривший мне сразу же по прибытии в Халлат встречу с сыном друга, – сказал Граис.

– Во веки веков, – почтительно произнес Килос фразу, полагающуюся при упоминании святого для йеритов имени.

– В своё время Сирх был моим другом и учеником, – сказал Граис. – Но он никогда не говорил мне, что у него есть сын.

– Рожденный вне брака, – усмехнулся Килос. – В то время он меня и знать не хотел. А вот когда стал великим преподобным Сирхом, тогда и подумал, что ему нужен наследник. Вот и вспомнил обо мне. Должно быть, новых детей завести он уже не в силах.

– Ты непочтительно отзываешься об отце, – с укором произнес Граис.

– Сначала он должен заслужить мое уважение, – с вызовом вскинул голову Килос. – Девятнадцать лет он не вспоминал ни обо мне, ни о моей матери. Неужели я должен был по первому зову броситься ему в объятия?

– И тем не менее ты признаешь себя сыном Сирха.

Килос криво усмехнулся.

– Только потому, что в Йере лучше быть сыном преподобного Сирха, нежели рыбаком, у которого нет денег даже на то, чтобы купить сеть.

– Как же тебе удастся ладить с отцом? – спросил Граис.

– А никак, – развел руками Килос. – Полгода он пытался приручить меня, а когда понял, что ничего из этого не выйдет, отправил в Халлат ко двору наместника.

– Так, значит, самого Сирха сейчас нет в Халлате?

– По-моему, они с наместником недолюбливают друг друга, – наклонившись через стол, тихо произнес Килос. – Поэтому Сирх старается как можно реже появляться в столице. Он путешествует по провинциям Йера, выступая в крупных городах со своими проповедями, но больше всего времени проводит в Меллении – там у него постоянная резиденция. – Килос бросил на стол обглоданную кость и быстро сделал пару глотков из кружки с вином. – Послушай, – снова наклонившись к Граису, зашептал он. – Если ты действительно был учителем Сирха, то объясни мне, почему тебя в народе почитают как человека, чьими устами говорил Поднебесный, а Сирха всюду поносят? Ведь он всего лишь повторяет твои слова!

Прежде чем ответить, Граис отщипнул кусочек сыра, пожевал его и запил вином.

– Великая прямота отражает кривизну, – сказал он, глядя в глаза юноше. – Великая смелка отражает глупость. Великая завершенность отражает изъяны. Великое красноречие отражает болтовню. Нет большей беды, чем неосознание недостаточности.

Откинувшись на спинку стула, Килос с восторгом посмотрел на Граиса.

– Теперь я верю, что ты действительно Граис из Сиптима, – произнес он после недолгого молчания. – Никогда прежде мне не доводилось слышать столь простые и одновременно глубокие слова, отвечающие на самую суть поставленного вопроса. Сирх попросту выхолостил твое учение. Он зарыл его сущность под нагромождением бессмысленных словесных конструкций.

– Скорее всего Сирх искренне заблуждается, думая, что истина нуждается в толковании, – спокойно возразил Граис.

– Заблуждается? – Килос хмыкнул и покачал головой. – А, по-моему, он умышленно вводит в заблуждение своих слушателей.

– Теперь я понимаю, почему вы с отцом не поладили, – едва заметно улыбнулся Граис. – Ты все подвергаешь сомнению.

– Ты считаешь, что я не прав?

– Напротив, – покачал головой Граис. – Именно этого качества всегда недоставало твоему отцу. А я всегда требовал от своих учеников не только веры в то, что я говорю, но в первую очередь понимания. Понять порою гораздо труднее, чем свято уверовать.

– Но в таком случае можно подвергнуть сомнению и саму веру в Поднебесного, – с благоговейным ужасом произнес Килос.

– Что ж, попробуй, – улыбнулся Граис. – Но для начала подвергни сомнению существование самого себя, поскольку ты являешься одним из проявлений воли Поднебесного. В мире все знают, как познать непознанное, но никто не знает, как познать уже известное.

– Да-а, – Килос озадаченно поскреб ногтями свою бородку. – Поистине легенды о тебе говорят правду, твоими устами вещает сам Поднебесный.

Граис улыбнулся.

– Познание – не речь. Речь – не познание.

В глазах Килоса все заметнее сиял восторг. Он даже забыл о еде, над тарелками с которой уже жужжали слетевшиеся на аромат зеленоватые мигаты.

– Хотел бы я быть твоим учеником, – наконец произнес он. Граису даже показалось, что в словах юноши прозвучала затаенная просьба. – Ты не собираешься снова начать проповедовать?

– Нет, – покачал головой Граис. – Боюсь, что на этот раз я долго в Йере не задержусь. Но ты ведь можешь стать учеником Сирха.

– Сирх! – юноша не произнес, а с презрением выплюнул это имя. – Что значит Сирх по сравнению с тобой! Ты истинный учитель, потому что учишь людей думать. Сирх же вбивает им в головы свои постулаты, словно гвозди заколачивает! По самую шляпку! «Власть дана от

Поднебесного! Без Власти жизнь – хаос! Живи не для себя, но для Поднебесного, который и есть Власть!...», – нараспев заголосил он, явно пародируя Сирха.

Слушая его, Граис улыбнулся. Действительно, подобные интонации, пронизанные благоговейным неистовством, были свойственны Сирху и в прежние времена.

– Ну что ты на это скажешь? – спросил Килос, довольный тем, что его небольшое представление понравилось собеседнику.

– Я не вижу в этих словах противоречия истине, – сказал Граис. – Но в целом ты прав – подобная прямолинейность не идет на пользу делу. Учеников можно заставить вызубрить правила, но это вовсе не будет означать того, что они станут следовать им всегда и во всем. Мудрый наставник только подводит ученика к черте, за которой тот сам находит требуемый ответ. В свое время я говорил то же самое, но другими словами: порядок в большом государстве отражается в приготовлении мелкой рыбешки.

Килос бросил взгляд на своих охранников, которые, закончив трапезу, теперь, в ожидании приказа, то и дело посматривали на своего господина.

– Что ты собираешься делать в Халлате? – спросил он у Граиса.

– Я рассчитывал встретиться здесь с Сирхом, – ответил тот. – Но, поскольку его нет в столице, – повидаюсь для начала с другими своими учениками. А потом отправлюсь в Меллению.

– Тебе, наверное, понадобятся деньги, – Килос полез в карман за кошельком.

– Нет! – протестующе взмахнул рукой Граис.

– Ну как знаешь, – Килос поднялся из-за стола и знаком велел своим охранникам собираться. – Я рад был встрече с тобой.

– Мне беседа с тобой также доставила удовольствие, – ответил Граис, поднимаясь со своего места. – У тебя живой ум. И, если ты не будешь позволять ему лениться, то сможешь многого достичь.

– Спасибо на добром слове, – улыбнулся Килос. – Я пока еще не знаю, где именно буду жить в Халлате, но, если тебе понадобится моя помощь, можешь справиться обо мне при дворе наместника. Я всегда буду рад видеть тебя.

– Да станет твоим путем Путь к Поднебесному.

– Во веки веков.

Глава 2

Пройдя узким переулком, в котором стоял нестерпимый смрад вымачиваемой кожи, Граис вышел на небольшую и тихую площадь, вымощенную брусчаткой. Со всех сторон ее окружали невзрачные двухэтажные дома, сложенные из серых грубоотесанных камней. Подойдя к двери одного из домов, Граис негромко постучал. Вскоре за дверью послышались тяжелые шаркающие шаги.

Дверь чуть приоткрылась. В доме царил полумрак, и Граис, ослепленный ярким солнечным светом, не мог различить лица того, кто стоял за порогом.

– Я могу видеть Миноса? – спросил он.

Человек, стоявший за дверью, какое-то время молча изучал гостя.

– Зачем тебе Минос? – произнес он наконец.

Голос говорившего был гулким, словно шел со дна огромной бочки.

– Он мой друг, – ответил Граис. – Мы давно с ним не виделись...

– Нет здесь Миноса, – резко оборвал его голос. – Не живет он больше в Халлате.

– А где я могу его найти?

– Иди отсюда и больше не приходи.

Дверь с грохотом захлопнулась. Заскрежетал засов.

Граис постоял возле двери в раздумье, затем повернулся и направился через площадь.

Позади него, заставив обернуться, скрипнула дверь – не та, в которую он стучал, а соседняя, низкая и скособоченная. На улицу из нее выглянула девушка в темном платье с растрепанными, неухоженными волосами.

– Ты ищешь Миноса? – тихо спросила она, оглядываясь через плечо.

Граис молча кивнул.

– Он уехал. В Меллению. Его призвал к себе Сирх, – девушка запнулась и быстро поправила себя: – Преподобный Сирх.

– А не скажешь ли ты мне?.. – начал было Граис, но, не дослушав его, девушка быстро скрылась за дверью и осторожно прикрыла ее за собой.

Граис пожал плечами и направился в ближайший переулок.

Боясь заплутать среди узких улочек, он вышел к городской стене и, используя ее как ориентир, направился на другой конец города.

Теперь он мог воочию убедиться, что, насмехаясь над запертыми городскими воротами, Килос был абсолютно прав. Чем дальше отходил он от ворот, тем ниже становилась городская стена. А спустя какое-то время она и вовсе сошла на нет. На месте, где она должна была находиться, возвышались только штабели каменных блоков, предназначавшихся для ее возведения.

Здесь границу города определяли плотно прижавшиеся один к другому кособокие домишки небогатых ремесленников. Мелкий товар повседневного спроса, который они изготавливали, был слишком дешев для того, чтобы нести его на рыночную площадь. Место на рынке стоило дороже, чем мог заработать ремесленник за целый день, торгуя своим товаром. Поэтому и выставлялся он на продажу прямо здесь же, разложенный на скамьях и столиках, вынесенных на улицу.

Однако покупали товар у ремесленников отнюдь не бедняки. Богатые йериты в искусно расшитых платках и с перстнями на пальцах толпились возле столиков, торгуясь с женами и дочерьми ремесленников из-за каждого дуза. Их сопровождали слуги, присматривающие за низкорослыми чеклаками, которые, понуро опустив головы к земле, уныло наблюдали за тем, как товары со столов торговцев постепенно перекачевывают в их чересседельные сумки.

– Спиногрызы!.. – сквозь зубы процедил оказавшийся рядом с Граисом йерит, мужчина лет сорока пяти, по виду такой же ремесленник, как все, проживающие в этом районе.

Заметив заинтересованный взгляд Граиса, который тот искоса бросил на него, мужчина оскалил большие желтые зубы:

– Что, приятель, у вас на севере такого еще нет?

– А что, собственно, здесь происходит? – спросил его Граис. И на всякий случай добавил: – Я в городе недавно...

– Владельцы рыночных мест за бесценок скупают нашу работу, – ответил ремесленник. – Завтра она уже появится на их прилавках по цене, раза в три превышающей ту, которую они заплатили здесь. Подожди, – многообещающе взмахнул он черной курчавой бородой. – Скоро и у вас на севере введут такие же порядки. Только не забудьте после этого вознести хвалу преподобному Сирху!

– Сирху? – удивленно поднял бровь Граис. – При чем здесь Сирх?

– Говорят, что новый наместник хотел, по примеру Кахима, ввести свободную продажу рыночных мест по равной для всех цене. Заплати налог – и торгуй, чем пожелаешь, – ответил ремесленник. – Однако преподобный Сирх сумел убедить его в том, что лучше иметь дело только с крупными торговцами. Иначе, по его словам, рыночная площадь может превратиться в место постоянного сборища всякого отребья, способного на бунт. Вот теперь, благодаря заботе преподобного Сирха, купцы и дерут с нас три шкуры.

– А для Сирха-то в этом какой интерес?

– Наш заботливый пастырь своего не упустит, – усмехнулся ремесленник. – Наверняка содрал с купцов за свои хлопоты хорошую мзду. Это ж он только нам рассказывает, что тот, кто не накопит себе богатства здесь, обретет его там, – широким пальцем с обломанным ногтем ремесленник указал на раскаленное полуденным солнцем небо. – Сам же себе и в земных благах не отказывает.

– Но, если Сирх проповедует учение Граиса из Сиптима... – начал было ксенос.

– Чего раскричался-то, – резко оборвал его собеседник и опасно огляделся по сторонам.

Люди вокруг, занятые торговлей, не обращали никакого внимания на их разговор.

– Потихе ты, – строго приказал Граису ремесленник. – А то привык у себя на севере орать во всю глотку... Имя Граиса сейчас лучше и не упоминать при посторонних...

– Почему? – Граис сделал вид, что удивился.

– Почему, почему, – передразнил его ремесленник. – Потому что Граис был Человек, а Сирх – кахимская шавка.

Ремесленник, похоже, и сам испугался собственной смелости. Взгляд его быстро забегал по сторонам, выбирая, куда бы поскорее скрыться от свалившегося на его голову чудного северянина.

– Еще один вопрос, – быстро, пока собеседник еще не ушел, произнес Граис. – Где-то здесь поблизости прежде жили каменщики...

– Там, – рукой указал направление ремесленник и, ссутулившись, чтобы сделаться меньше и незаметнее, закосолапил в сторону.

Проводив его взглядом, Граис двинулся в указанном направлении.

В целом то, что он сейчас услышал, не противоречило словам Килоса. Судя по тому, что уже удалось узнать Граису, выводы аналитиков Центра, основывавшиеся главным образом на косвенных данных, были по большей части верны. Сирх придал учению о Пути к Поднебесному утилитарный характер, превратив его в инструмент, с помощью которого обеспечил себе не самое плохое место в жизни. Проповеди Сирха нацелены не на вразумление народа, а на улучшение кахимского наместника. Не приходится удивляться тому, что народ Йера уже не принимает их так близко к сердцу, как это было пятнадцать лет назад. В сложившейся ситуации исправить положение будет скорее всего не так уж сложно. Вот только ориентироваться придется теперь уже не на Сирха. Он, похоже, прочно слился в сознании людей с образом став-

ленника кахимского наместника, и вряд ли стоит рассчитывать на то, что люди начнут внимать его словам, даже если он снова превратится в нищего бродячего проповедника. Значит, нужно сделать своим глашатаем другого человека. Кого-то из бывших учеников. В принципе подойдет любой... Разве что, за исключением Фирона... Впрочем, окончательное решение можно будет принять, только повидавшись с самим Сирхом. Кто знает, возможно, он тоже не так плох, как кажется. В таком случае и проблем будет меньше. Раз уж Сирх взял на себя миссию преемника Граиса, значит, ему и дальше ее нести. Не хотелось бы впутывать в эту историю других. И тем не менее необходимо иметь в виду запасной вариант...

Улица, на которой жили каменщики, отличалась добротностью выстроенных на ней домов. Хотя богатыми их тоже назвать было нельзя.

Граис остановился возле нужного ему дома.

У входа две женщины – одна, пожилая, другая – совсем еще девочка – старательно выби-вали пыль из длинных цветных половиков.

– Да поможет вам в вашем труде Поднебесный! – громко произнес Граис, чтобы привлечь к себе внимание женщин.

– Спасибо на добром слове, – машинально, не прекращая работы, ответила старшая из них.

Встряхнув еще пару раз край половика, который она держала в руках, женщина бросила его на изгородь. Выпрямившись, она откинула ладонью от глаз прядь черных с проседью волос и посмотрела на Граиса. В то же мгновение выражение ужаса исказило ее лицо. Прижав руку тыльной стороной ладони к приоткрытому рту, она сделала шаг назад. Ее молодая помощница, стоя чуть в стороне, переводила удивленный, непонимающий взгляд с хозяйки на так напугавшего ее гостя.

Граис обернулся, решив, что женщину напугал кто-то, находящийся у него за спиной. Но улица позади него была пуста.

– Я могу видеть Амирата? – стараясь говорить как можно спокойнее и мягче, спросил он у женщины.

– Ты... Ты снова пришел... – только и смогла испуганно произнести она.

– Не помню, чтобы мы с тобой встречались прежде, – немного смущенно улыбнулся Граис. – Столько лет прошло...

– Кто прислал тебя?! – не то выкрикнула, не то всхлипнула женщина.

Неожиданно она вспомнила о своей младшей помощнице. Схватив девочку за руку, она втолкнула ее в дом, захлопнула дверь и, раскинув руки, прижалась к ней спиной, словно боялась, что Граис попытается ворваться в дом силой.

– Меня никто не прислал, – спокойно ответил Граис. – Я просто вернулся...

– Оттуда, куда ты ушел, не возвращаются, – прошептала женщина.

– Ну уж, – снова попытался улыбнуться Граис. – Я же здесь. Я просто хочу поговорить с Амиратом.

– Амирата нет дома, – сказала женщина. Ей наконец-то удалось взять себя в руки. Теперь в глазах ее был не только страх, но и холодная решимость. – И не будет.

– Где я могу его найти?

– Уходи, – тихо, но твердо произнесла женщина. – Уходи туда, откуда пришел. Мало ты зла ему причинил? Мало он из-за тебя натерпелся? Что ты еще от него хочешь?..

– Извини...

Граис наклонил голову и быстро, не оборачиваясь, зашагал прочь от дома своего ученика.

Такого он никак не ожидал. Если все, кто знал его прежде, станут шарахаться от него, словно от чумного, то ни о какой нормальной работе и речи быть не может. Ну, понятное дело, в первый момент женщина могла испугаться, увидев перед собой человека, без вести пропавшего пятнадцать лет назад. А потом-то что с ней произошло? С чего она вдруг взбеленилась?..

Граис вдруг подумал о том, что до отправки на Тессу-3 ему было известно о судьбе только троих его учеников – Сирха, который стал преподобным Сирхом, и Федра с Гристином, которые ушли проповедовать куда-то в западные земли. Недавно он узнал, что Минос вслед за Сирхом перебрался в Меллению. А что могло случиться с Амиратом? А с Фироном?.. Ему, должно быть, пришлось труднее остальных. Если во всем, что произошло пятнадцать лет назад, Фирон винит только себя одного, то этого уже достаточно, чтобы возненавидеть жизнь. Но ведь его могли обвинить и другие, не зная, как все было на самом деле...

Улица, постепенно становившаяся все шире, вскоре вывела Граиса к рыночной площади. Он и сам не мог сказать, почему пошел именно в этом направлении. Наверное, ему просто хотелось затеряться в толпе, где людям нет дела ни до чего, кроме товаров, которые они покупают и продают.

В самом конце улицы начинались торговые ряды. Здесь на земле сидел одетый в лохмотья нищий, молча протягивающий перед собой руку, тонкую и сухую, как палка. Люди, занятые своими делами, пробегали мимо, словно и не видя несчастного. А тот, в отчаянной надежде, все тянул вперед свою сложенную лодочкой ладонь со скрюченными пальцами.

Обойдя нищего стороной, Граис вышел на рыночную площадь. И тут же, перегнувшись через стол, его схватил за рукав какой-то уличный торговец. Нос мужчины был так огромен, что край накинутаго на голову платка не мог укрыть его от палящего солнца, поэтому кончик носа был красным и кожа на нем шелушилась.

– Эй, северянин! – закричал йерит, перекрывая гвалт кипящей торговли. – Прежде чем заняться делами, недурно было бы узнать свое будущее! Все в этом мире происходит с благословения Поднебесного!

Граис окинул взглядом лежащие на столе перед йеритом предметы. Большая хрустальная призма, колода гадальных карт, горстка мелких птичьих костей, череп лаваха, игрушечный волчок, две длинные спицы и, конечно же, лампада с узким, чадающим языком пламени – словом, все принадлежности, используемые уличными шарлатанами для «предсказания» будущего.

– Ты искушаешь Поднебесного, пытаешься разгадать его помыслы, – улыбнувшись, сказал Граис уличному магу.

На что тот, ни капли не смутившись, ответил:

– Что за дело Поднебесному до такого червя, как я. Он даже и не заметит, если я пару раз осторожно загляну в его Великую Книгу Судеб. Вот если бы я пытался изменить установленный им ход вещей, – тогда другое дело. Если тебя смущает это, – предсказатель провел рукой над своими магическими инструментами, – то я могу рассказать о твоём будущем, записанном на линиях твоей руки. Тут уж никаких сомнений быть не может, Поднебесный – хвала и слава его мудрости – сам оставил эти записи и наделил некоторых из смиренных рабов своих, – предсказатель приложил руку к груди и чуть наклонил голову, чтобы у его собеседника не осталось никаких сомнений, о ком, собственно, идет речь, – способностью толковать их.

Ответ хитрого предсказателя Граису определенно понравился. Кроме того, разговор с шарлатаном отвлекал его от собственных невеселых мыслей.

– Мое будущее мне известно, – сказал Граис. – Ты бы лучше взглянул на его ладонь, – он взглядом указал на все так же уныло и безнадежно протягивающего перед собой руку нищего.

– Вот еще, – фыркнул предсказатель. – Я и без того расскажу тебе о нем все, что захочешь. Он сидит здесь каждый день, так что мы, можно сказать, почти соседи.

– Ну так скажи, сколько денег он соберет сегодня? – спросил Граис.

– Вот чего не знаю, того не знаю, – покачал головой предсказатель. – Могу только сказать тебе, что к вечеру, как только торг начнет стихать, он отправится в свой дом, расположенный у Западных ворот...

– У Западных ворот? – удивился Граис. – Там же живут самые богатые люди столицы!

– Вот именно, – кивком подтвердил его слова предсказатель. – Там он примет ванну с ароматными травами, после чего юные служанки уместят его тело благовониями. Затем он накинёт на плечи атласный халат и сядет за стол, где ему будут подавать самые изысканные кушанья...

– Постой-ка, – перебил его Граис. – Мы же говорим о нищем.

– О нем, о нем, – довольно усмехнулся предсказатель. – Таких, как ты, приезжих простаков он здесь и обирает. А на самом деле денег у него, как я думаю, больше, чем у преподобного Сирха. Да будет тебе известно, северянин, что ты видишь перед собой короля городских нищих. Все просящие милостыню в Халлате, – а их здесь тысячи! – обязаны платить ему подать. Дело это поставлено у него не хуже, чем у наместника. А сам он ходит на промысел так, из любви к искусству. Заодно и демонстрирует подданным, что не оторвался от народа, а так же, как все, зарабатывает хлеб свой в поте лица. – Взглянув на растерянное лицо Граиса, предсказатель сначала хохотнул, а затем, погладив двумя пальцами кончик обожженного солнцем носа, принял серьезный вид и церемонно предложил: – Ну как, почтеннейший, не надумал еще пролить свет на собственный завтрашний день?

– Денег жалко на подобную ерунду, – усмехнулся Граис.

Предсказатель смерил его высокомерным взглядом.

– Ладно, – махнул рукой предсказатель. – Обслужу тебя бесплатно. Заплатишь потом, когда убедишься в истинности моего предсказания. Я надеюсь, ты честный человек?

Других клиентов возле его стола все равно не было. И прождать их можно было целый день. А так, глядишь, кто-нибудь да остановится посмотреть на работу предсказателя, а потом и сам захочет узнать свою судьбу.

– Тогда уж расскажи лучше о моем прошлом, – предложил Граис, протягивая предсказателю руку.

– Это еще проще, – уверенно заявил длинноносый и, сначала даже не взглянув на руку Граиса, начал глубокомысленно изрекать стандартные словесные блоки: – Прodelал ты долгий путь для того, чтобы попасть в Халлат. Вела тебя сюда нужда, а не прихоть...

Внезапно голос предсказателя осекся. Он уставился на открытую ладонь Граиса так, будто на ней сидел ядовитый паук.

– Что за бесовщина, – тихо произнес он и озадаченно потерев пальцами кончик носа. Затем, проведя пальцем по линиям на ладони Граиса, он поднял недоумевающий взгляд на самого обладателя удивившей его руки. – Никогда еще не видел такого... У тебя позади темнота... Пустота и мрак... – Предсказатель снова уставился на ладонь Граиса, словно надеялся, что рисунок на ней мог вдруг измениться. – Что за дела? – снова произнес он растерянно. – Стой здесь! – решительно приказал он Граису, прижав его ладонь к столу. – Никуда не уходи! Я сейчас позову отца. У него опыта побольше, он быстрее с этим разберется.

С этими словами предсказатель скрылся за ширмой, стоящей у него за спиной.

Граис удивленно посмотрел на свою ладонь. Или хиромант ломает перед ним какую-то комедию, или... Граис решительно тряхнул головой. Никаких «или»! О человеке ничего невозможно узнать, просто глядя на линии его руки! Если бы такой способ существовал, то сотрудникам Центра было бы известно об этом!

Не прошло и минуты, как предсказатель снова появился из-за ширмы, ведя под руку согбенного старика с трясущимися коленями. Йерит был настолько стар, что даже брови и ресницы у него стали седыми. Он шел, глядя себе под ноги, тяжело опираясь на руку сына. Подойдя к столу, он опустил на заботливо подставленный сыном табурет.

– Ну? – по-прежнему не поднимая головы, требовательно произнес старец.

Граис положил перед ним свою ладонь. Старик вцепился в нее неожиданно крепкими пальцами и поднес едва ли не к самому носу. Ему оказалось достаточно лишь одного взгляда на руку ксеноса. В следующее мгновение он оттолкнул руку от себя и, надсадно охнув, поднялся

на ноги. Сын попытался поддержать отца, но тот только недовольно отмахнулся от него. Он поднял голову, вытер с глаз старческие слезы и подался вперед, пытаясь получше рассмотреть стоящего перед ним Граиса.

– Это Он! – прошамкал старик беззубым ртом.

Отец длинноносого, должно быть, хотел выкрикнуть эти слова так, чтобы их услышала вся рыночная площадь, но немощь не позволила ему сделать это. Тогда он повернулся к сыну и вцепился скрюченными пальцами в рубашку у него на груди.

– Это Он!.. Ты понимаешь!.. Это Он!..

Наткнувшись на непонимающий взгляд сына, старик повернулся вполоборота к Граису и, выставив трясущуюся руку, направил на ксеноса указательный палец.

– Ты Граис из Сиптима!.. – прошамкал старик. – Тот, который был приговорен к смерти пятнадцать лет назад!.. Ты прошел сквозь Темноту и снова вернулся в Йер!..

Каждую фразу старик с невероятным усилием буквально выталкивал из себя, после чего ему приходилось делать паузу, чтобы снова набрать в легкие воздух.

В первый момент Граис был настолько поражен произошедшим, что просто онемел. Наконец он сумел убедить себя в том, что вовсе не его ладонь стала причиной столь бурной реакции старика. Йерит, должно быть, просто бывал прежде на его проповедях, а теперь узнал его. Найдя такое простое решение проблемы, Граис улыбнулся.

– Да продлит Поднебесный твои дни, почтенный... – начал он, обращаясь к старику.

Но тот, не слушая Граиса, вновь набросился на сына.

– Ты что стоишь, как пень?!.. Гони его!.. Гони его прочь!.. Не хватало только, чтобы кто-нибудь увидел его возле нашего стола!.. Донесут!.. Сразу же донесут!..

Предсказатель растерянно глянул на Граиса, как бы извиняясь, изобразил на лице кривую полуулыбку и, приподняв руку, пошевелил пальцами в воздухе – мол, не обращай внимания, не в себе старик...

Граис, не дожидаясь дальнейшего развития событий, попятился от стола предсказателей и быстро смешался с толпой, вливающейся на рыночную площадь.

Он попытался сразу же выбросить из головы нелепое происшествие. Какой может быть спрос со старого, выжившего из ума человека? Ну, помнил он его... Что из этого?.. В голове старика все перемешалось: Граис, Сирх, кахимский наместник – вот и начал гнать его, словно врага... Но не давало покоя брошенное стариком слово: «Донесут!» Этого же наверняка испугалась и женщина, которую он встретил у дома Амирата... Кем она, кстати, приходится его бывшему ученику? Наверное, жена... Но почему все они так боятся быть уличенными в связи с ним? Ведь ремесленник, которого он встретил по дороге, говорил о Граисе, которого он вовсе не знал, с уважением... Вот именно, что не знал! Как бы он еще повел себя, зная, что тот, о ком он говорит, стоит с ним рядом?... А Килос? Сын Сирха не испугался даже разделить с ним трапезу за одним столом...

Ответ на все эти вопросы напрашивался сам собой, хотя Граису и не хотелось в него верить. Причиной всего был не кто иной, как Сирх. Именно он позаботился о том, чтобы в Йере боялись даже одного упоминания имени Граиса. Только это и оставалось преподобному после того, как он заявил о своих правах на учение о Пути к Поднебесному.

Глава 3

Время давно уже перевалило за полдень, а Граис все еще бродил по базару, среди пестрой толпы продающих и покупающих, выменивающих и обещающих, просящих и ворующих.

Узкие проходы между лотками и лавками торговцев были заполнены плотной людской толпой, каждый пытался куда-то пролезть, что-то найти, кого-то позвать, что-либо проташить за собой. Что в какой стороне продают, можно было определить только по пронзительным крикам самих торговцев или мальчиков, которых те нанимали, проявляя заботу о собственном горле.

Сверху нещадно палило солнце, снизу от земли поднимались влажные испарения, от проходящих мимо людей резко разило потом.

Граис ничем не выделялся из общей толпы. Переходя от одного лотка к другому и время от времени останавливаясь, чтобы взглянуть на тот или иной товар, ксенос играл роль дотошного и прижимистого покупателя, который точно знает, что ему нужно, и пытается найти назначенный для покупки товар по самой низкой цене.

В данный момент рынок представлял собой наиболее безопасное место, где, не привлекая к себе внимания, Граис имел возможность все тщательно обдумать и решить, каким должен быть его следующий шаг.

Стоит ли пытаться отыскать еще кого-нибудь из своих учеников? Если их реакция на его появление будет такой же, как со стороны родственницы Амирата, то это совершенно бессмысленная затея. От насмерть перепуганных людей ничего путного не добьешься. Быть может, разумнее будет сразу же отправиться в Меллению на встречу с Сирхом? Его-то встреча с бывшим учителем не должна напугать.

Граис провел тыльной стороной ладони по мокрому лбу. Жара и духота вконец измотали его. Мысли в голове начинали путаться. Да и голод уже давал о себе знать. Теперь Граису хотелось только одного – как можно скорее выбраться из базарной суеты, найти какое-нибудь тихое, прохладное место, где можно было бы заодно и перекусить.

Плечом вперед протискиваясь сквозь плотную толпу, Граис двинулся к выходу с базарной площади. В принципе ему было все равно, в какую сторону идти. Он старался только сохранять однажды выбранное направление, пробираясь среди лабиринта поставленных вплотную друг к другу лотков, лавок и палаток, вокруг которых, ни на секунду не утихая, шла оживленная торговля.

Почти добравшись до выхода, Граис неожиданно заметил темнокожего, по пояс голого мальчонку, который демонстрировал собравшейся вокруг него публике нечто, вызывавшее у нее бурный восторг. Граис невольно замедлил шаг, чтобы взглянуть, что там такое удивительное у мальчугана.

Сам маленький артист, судя по его почти черной коже, большим плоским губам и круглым кольцам, продетым в уши, был уроженцем Тирианского царства, лежащего далеко на севере, за Серединным морем. Путь оттуда до Йера был долог и непрост. Поэтому и гости из Тирианского царства бывали в Халлате нечасто. А показывал мальчонка собравшимся вокруг него йеритам удивительное существо, похожее на маленького мохнатого человечка с коротким и толстым хвостом. Повинуясь приказам своего хозяина, зверек прыгал через кольцо, стрелой шнырял по лесенке и кувырчался на потеху публике. Ротозеи суетились, бросая зверьку орехи и фрукты, которые тот с завидным аппетитом поедал в просто-таки фантастических количествах.

Увлеченный диковинным зрелищем, Граис подошел совсем близко. И вдруг зверек ни с того ни с сего скаканул прямо ему на голову и сделал стойку на хвосте. Люди, стоявшие рядом с Граисом, отшатнулись в стороны, и ксенос оказался в центре плотного людского кольца.

Граис попытался стащить зверька с головы, но тот завизжал и всеми четырьмя лапами вцепился в его платок. Темнокожий мальчонка что-то крикнул зверьку на своем языке и махнул прутиком, который держал в руке. Спрыгнув в ту же секунду с головы Граиса, зверек перевернулся в воздухе и, проворно вскарабкавшись на лесенку, взмахнул лапой, требуя награды за свой головокружительный трюк. Однако на этот раз ни одно угощение не полетело в его сторону.

Смущенно улыбаясь, Граис посмотрел на окружающих его людей.

– Это же Граис из Сиптима, – негромко произнес кто-то в толпе, но в воцарившейся вдруг тишине слова эти были услышаны каждым.

И в ту же секунду мощная эмоциональная волна обрушилась на ксеноса. Преобладающим элементом был в ней страх, но также присутствовал и целый спектр других эмоций, простирающийся от благоговейного восторга до почти безумной ненависти. В лицо Граиса знал далеко не каждый, но не было в Йере человека, ни разу не слышавшего о нем. Граиса поразило, насколько же неоднозначным было отношение к нему. Он даже не сделал попытки вычленив какое-либо из эмоциональных состояний окружающих его людей в чистом виде, настолько плотно они переплетались и наслаивались друг на друга. В такой мешанине не смог бы разобраться даже опытный телепат. Граис же просто чуть развел руки в стороны и тихо произнес:

– Я вернулся.

Рано или поздно это все равно нужно было сделать. Так почему же не воспользоваться случаем? Ни одни слухи не разносятся с такой скоростью, как те, что родились в базарной толпе.

Толпа словно только и ждала этих его слов.

Крича и размахивая руками, люди ринулись на него. Что они хотели, понять было невозможно.

Испуганно закричал маленький тирианец, прижимающий к груди своего дрессированного зверька. Не в состоянии понять, что происходит, он решил, что люди хотят наказать его за недостойную выходку хвостатого питомца.

Ксенос среагировал почти автоматически. Оставив вместо себя фантом, который был создан на скорую руку, а потому должен был вскорости исчезнуть, Граис одновременно с этим сделал шаг в сторону и, наклонившись, прикрыл собой мальчугана со зверьком на руках. Поток своего сознания он перевел в отрицательную фазу, создав тем самым вокруг себя психологический барьер, делавший его невидимым. Точнее, глаза людей фиксировали его образ, но в зрительных центрах мозга он отфильтровывался, как нейтральный фон. Эффект исчезновения усиливало и то, что все внимание людей было приковано в данный момент к фантому. Для непосвященных это может показаться странным, но обмануть таким образом толпу гораздо проще, нежели одного человека. В толпе человек теряет свою индивидуальность, и все решения здесь принимаются на уровне коллективного сознания, развитие которого адекватно разуму малолетнего дебила, способного воспринимать только четкие, конкретные образы.

Маленький тирианец не принадлежал толпе, поэтому он видел Граиса. Испуганно прижавшись к груди незнакомого человека, он одновременно крепко держал визжащего и пытающегося вырваться зверька. Прикрывая мальчика спиной, Граис начал выбираться из толпы, в которой уже раздавались стоны и крики о помощи.

Взглянув поверх голов окружающих, Граис увидел, как с разных концов базарной площади к месту происшествия спешат вооруженные копьями шалеи. Те из них, кто уже был рядом, не разбираясь, что здесь, собственно, происходит, пытались навести порядок, орудуя тупыми концами копий и длинными бичами.

Один из имперских стражников прошелся бичом вдоль спины Граиса, когда тот проходил мимо него. Граис только зашипел сквозь крепко стиснутые зубы. Выход с базарной площади

был уже совсем рядом, и, толкая перед собой перепуганного мальчика, Граис устремился в сторону ближайшего переулка.

– Что случилось?.. Что там происходит?.. – хватая за одежду, спрашивали его встречные люди.

– Вора поймали... Вора... – отвечал Граис, не останавливаясь.

Выбравшись наконец на относительно свободное пространство, Граис остановился. Поправив на себе помятую одежду, он накинул на голову свалившийся на плечи платок и улыбнулся темнокожему мальчонке.

– Я надеюсь, ты здесь не один? – спросил он у него.

Мальчик смотрел на незнакомца по-прежнему испуганно – он не понимал ни слова по-йеритски. Зверька, сидевшего у него на руках, он прижимал к груди, как единственное родное существо.

Граис присел на корточки и, взяв мальчика за плечи, посмотрел ему в глаза. Сосредоточившись, он попытался передать маленькому тирианцу свой вопрос в виде простейших мысленных образов. Мальчик оказался весьма восприимчив к невербальному способу общения. Вскоре Граис уже знал, что караван тирианцев, прибывших в Халлат, чтобы торговать коврами, изделиями из желтого дерева и серебряными украшениями, остановился неподалеку от Восточных ворот столицы. А их палатки на базарной площади располагались совсем близко. Выяснив, что мальчик знает, как до них добраться, Граис понял, что может без опасений отпустить его одного.

– Выше голову, – Граис, улыбнувшись, потрепал мальчика по плечу и поднялся на ноги.

Тирианец дернул его за подол рубашки и что-то произнес на своем языке. Потом он запустил руку в свою сумку, которую, несмотря на внезапный переполох, не бросил среди мнущейся толпы, и протянул Граису пригоршню монет.

– Нет, – улыбнувшись, Граис отстранил протянутую к нему руку. – Ты сам заработал эти деньги, так что оставь их себе.

Мальчик секунду недоумевающе смотрел на странного человека, отказывающегося от предложенных ему денег. Потом он лучезарно улыбнулся, показав свои великолепные белые зубы, и, бросив деньги назад в сумку, достал из нее большой красный акисовый плод.

– А вот за это спасибо, – Граис с улыбкой принял подарок.

Махнув на прощание рукой, юный дрессировщик побежал искать своих соотечественников.

Бросив взгляд в сторону толпы, среди которой теперь все чаще встречались кожаные шлемы шалеев, Граис направился прочь от базарной площади. Держась теневой стороны улицы, он шел в сторону окраины города.

День клонился к вечеру, и нужно было подумать о ночлеге. Поскольку никого из старых друзей Граису отыскать не удалось, ему не оставалось ничего иного, как только искать пристанища на одном из постоянных дворов. В обеденной комнате, которая на ночь превращалась в большую общую спальню, где постояльцы спали вповалку на полу, можно было остаться незамеченным. А утром, заплатив хозяину за ночлег, уйти пораньше, пока другие спят.

На ходу Граис съел подаренный ему акис. Но голод от этого не унялся, а, наоборот, закипел с удвоенной силой.

Граис искал постоянный двор поменьше и победнее, где останавливались не караваны, а одинокие странники, пришедшие в Халлат по какой-то своей нужде. Но в обеденных залах при постоянных дворах, в которые он заглядывал, всюду бурлил безудержный веселый разгул. Заканчивая свои дневные дела, люди спешили сюда, чтобы отметить удачную сделку или залить вином горечь неудачи.

Обойдя не меньше двух десятков постоянных дворов, Граис наконец нашел то, что ему было нужно. В небольшом обеденном зале с низким потолком стояли только два длинных

стола. За одним из них, заставленным пустыми кувшинами из-под вина и тарелками с объедками, расположились трое йеритов. Двое из них, опустив головы на стол, сладко похрапывали. Третий время от времени все еще предпринимал отчаянные попытки приподнять голову и затянуть какую-то песню, но дело у него не спорилось, и он снова ронял голову, гулко стучаясь лбом о гладкие доски стола.

За другим столом в углу в одиночестве сидел мужчина лет сорока с черными прямыми волосами, разделенными прямым пробором и зачесанными за уши. Его худое, вытянутое лицо, в отличие от принятой в Йере традиции, было гладко выбрито. Мужчина неторопливо цедил какой-то напиток из большой глиняной кружки. Взгляд его бесцельно и уныло блуждал по сторонам.

Увидев его, Граис замер на пороге. У него даже возникло желание развернуться и уйти, не дожидаясь, когда черноволосый обратит свой взор в его сторону. Но вместо этого он остался стоять на пороге, замерев в напряженном ожидании.

Взгляд черноволосого скользнул по лицу нового посетителя и равнодушно проследовал дальше. Но в следующую секунду мужчина вздрогнул и, развернувшись рывком в сторону Граиса, уставился на него, едва не разинув от изумления рот. Кружка, выскользнув из его внезапно ослабевших пальцев, стукнулась дном о доску стола и накренилась набок, грозя опрокинуться и вылить свое содержимое. Граис успел поймать кружку психокинетической петлей и заставил ее вернуться в устойчивое положение. Мужчина, удивленно глядевший на Граиса, даже не заметил, какой невероятный кульбит проделала его кружка. Наконец он смог взять себя в руки и, опершись руками о край стола, поднялся на ноги.

– Учитель?.. – изумленно произнес он вполголоса. – Ты?..

– Да, это я, Фирон, – сказал Граис, делая шаг вперед.

Открытая и радостная улыбка, точно такая же, какой совсем недавно одарил Граиса маленький тирианец, озарила лицо Фирона. С ней он как будто даже помолодел лет на десять.

– Учитель...

Зацепившись за угол стола и едва не опрокинув его, Фирон кинулся навстречу Граису. Добежав, он схватил учителя за плечи и сдавил их пальцами, словно желая удостовериться, что перед ним живой человек из плоти и крови, а не эфемерный призрак. Во взгляде его, устремленном в глаза Граиса, стремительно сменяя друг друга, промелькнули радость, надежда и боль.

– Живой я, Фирон, живой, – ласково улыбнулся Граис. – И мне даже больно от того, как ты в меня вцепился.

Фирон тут же отдернул руки.

– Давай-ка лучше присядем за стол, – предложил Граис.

– Да!.. Конечно, учитель!..

Фирон вполосенно взмахнул руками и, пропустив Граиса вперед, прошел к столу следом за ним.

– Хозяйка! – крикнул Фирон после того, как Граис опустился на лавку.

Из-за перегородки, откуда доносился грохот посуды, выглянула полная пожилая женщина с растрепанными седыми волосами.

– Подай нам еды! – потребовал Фирон. – И кувшин вина!

Хозяйка, кивнув, исчезла за перегородкой. А через минуту из-за нее выбежала молодая светловолосая девушка. Приветливо улыбнувшись, она поставила перед Граисом большую тарелку холодной овощной похлебки – горячее ели в Йере только после захода солнца, когда спадала дневная жара.

– Вот это дело! – улыбнулся ей в ответ Граис и сразу же принялся за еду.

Снова сбегав за перегородку, девушка вернулась с блюдом, на котором лежали куски отварной рыбы, кувшином вина и чистой кружкой для нового посетителя. Взмахом руки отпустив служанку, Фирон быстро разлил вино по кружкам.

– Учитель, – смахнув ладонью слезу, невольно выступившую в углу глаза, произнес Фирон. – Если бы ты только знал, как я рад тебя видеть!..

– Я знаю, Фирон, – отодвигая в сторону тарелку, ответил Граис.

– Нет, учитель, – Фирон покачал головой и сделал большой глоток из своей кружки. Поставив кружку на стол, он внезапно с силой ударил себя кулаком в грудь. – Ведь это я, я один виноват в том, что случилось тогда!.. Я привел шалеет в дом, где ты ночевал!..

– Ты ни в чем не виноват, Фирон, – попытался успокоить его Граис. – Я же сам попросил тебя об этом. Мне нужно было встретиться с наместником, а иного способа попасть к нему просто не было.

– Но ведь, кроме нас двоих, об этом никто не знал, – сокрушенно покачал головой Фирон. – Все остальные назвали меня предателем.

– Фирон, ты был самым способным и самым преданным моим учеником. Поэтому я и попросил сделать это именно тебя.

Фирон на мгновение прижал к глазам ладони, а затем вскинул голову и попытался улыбнуться.

– Как бы там ни было, ты жив, учитель, – сказал он. – Не знаю почему, но я все эти годы ждал, что ты вернешься. Я верил, что ты не мог просто так уйти, навсегда оставив меня с клеймом предателя.

– И тебя даже не интересует, как мне это удалось? – немного удивленно спросил Граис.

– Нет, – прямо посмотрев в глаза Граису, уверенно ответил Фирон. – Ты жив – и это главное. Кто я такой, чтобы судить дела Поднебесного?

Какое-то время Граис молчал, глядя на своего ученика. Потом он поднял кружку и стукнул ею по кружке, которую все еще сжимал в руке Фирон.

– Давай-ка выпьем, Фирон.

Они выпили, и Фирон снова наполнил кружки вином.

– Как ты жил все эти годы? – спросил Граис.

– Потихоньку, – горько усмехнувшись, ответил Фирон. – После того, как ты исчез, все твои ученики разошлись по стране, проповедуя твоё учение. Но мне этот путь был заказан. Меня ведь все считали пособником твоих убийц. Я осел в Йере – здесь я по крайней мере мог не опасаться того, что кто-нибудь из твоих отчаянных последователей перережет мне глотку... Хотя тогда мне это было безразлично... Я вернулся к прежнему занятию – снова стал гончаром. Работа не особенно прибыльная, но на жизнь хватает – посуда то и дело бьется, и людям все время требуется новая. Через три года умерла моя мать, и я перевез в Халлат сестру... Теперь живем вместе... Когда твоё учение подмял под себя Сирх, остальным пришлось оставить миссионерскую деятельность. Она сделалась самой опасной профессией в Йере. Теперь проповедовать здесь имеет право только преподобный Сирх!.. Кто-то ушел из Йера, кто-то вернулся в свои родные места... Амират и Глатис живут сейчас в Халлате...

– Я уже заходил к Амирату, – сказал Граис. – Какая-то женщина возле его дома меня даже на порог не пустила.

– Его жена, – кивнул Фирон. – Строгая женщина... Меня она тоже знать не желает... Так же, как сам Амират... А Минос перебрался в Мелению, поближе к Сирху. Они с ним по-прежнему большие друзья. Только один друг теперь вытирает ноги о спину другого, который с готовностью ее подставляет.

– Минос пользуется доверием Сирха?

– Не знаю, – безразлично дернул плечом Фирон. – У них довольно странные взаимоотношения. По-моему, Сирху просто нужен кто-то, с кем бы он мог хотя бы иногда быть не пре-

подобным Сирхом, а тем, кем был прежде, – Фирон взял с блюда кусок рыбы, разломил надвое и принялся извлекать из него кости. – Мне кажется, Сирх сам прекрасно понимает, что учение, которое он теперь проповедует, имеет лишь внешнее сходство с тем, чему в свое время учил нас ты. Но он ничего не может с собой поделать, – ему нужны слава, почет и уважение. Вспомни, учитель, даже в те годы, когда мы были вместе, Сирх всегда старался вырваться вперед, обозначить свое превосходство над другими. И только ты своим авторитетом мог поставить его на место.

– У него были неплохие способности, – заметил Граис.

– Конечно, – согласился Фирон. – Но он – догматик. В его руках живое учение превращается в каменную глыбу с высеченными на ней постулатами. Это стало заметно сразу же после того, как он начал проповедовать самостоятельно.

– Но, как мне известно, в первые годы у Сирха было немало истых последователей.

– У него и сейчас в последователях весь Йер, – усмехнулся Фирон. – Вначале он воздействовал на народ силой твоего авторитета, теперь – мощью Кахимской империи.

– А сохранились ли в Йере последователи истинного учения о Пути к Поднебесному? – с затаенной надеждой спросил Граис.

– О да, учитель, – ответил Фирон. – Только теперь это маленькие тайные группы, передающие твои слова из уст в уста. После того, как в Йере указом наместника были запрещены любые философско-религиозные учения, кроме учения самого преподобного Сирха, ты стал для людей символом борьбы против власти Кахимской империи.

– Как так? – удивленно поднял брови Граис. – В основе моего учения лежит идея о непротивлении злу. Я всегда был противником любого неоправданного насилия.

– В народе распространился слух, что ты был тайно казнен за то, что стоял во главе заговора, целью которого было убийство наместника, захват Халлата, а затем и освобождение Йера от владычества Кахимской империи. После этого во многих произнесенных когда-то тобою словах открыто зазвучали призывы к борьбе.

– Например?

– «Если народ не боится смерти, то что его смертью пугать?» – по памяти процитировал Фирон.

– Но я говорил еще и так: «Если народ не боится власти, тогда придет еще большая власть».

– Эти твои слова трактуются, как то, что на смену власти Кахимской империи должна прийти власть самого Йера.

– Любопытно... – склонив голову к плечу, Граис взглянул на Фирона чуть лукаво. – И кто же будет осуществлять эту власть на практике?

– Народ йера! – незамедлительно откликнулся Фирон.

– Храни нас Поднебесный от подобного! – ужаснулся Граис. – Я вовсе не это имел в виду! Смысл моего высказывания сводился к тому, что, если начать бунтовать против существующей власти, то власть делается еще более жесткой и беспощадной по отношению к народу!

– Я это понимаю, учитель, – грустно улыбнулся Фирон. – Но простой народ, не имеющий тех знаний, которые в свое время ты дал нам, своим ученикам, видит в твоих словах только то, что хочет увидеть.

– Так значит, в народе зреет бунт?

– Похоже на то, – кивнул Фирон. – В горах скрываются отряды объявленных вне закона йеритов, называющих себя вольными. Пока они только копят силы и лишь время от времени, для пополнения запасов провизии и оружия, совершают нападения на караваны империи. Но, судя по тому, что в последнее время шалеев на улицах стало значительно больше, наместник уже воспринимает вольных, как реальную угрозу для власти Кахимской империи.

– А что же Сирх?

– А что может Сирх?

– Он может предотвратить бунт, призвав людей к повиновению!

– Сирх? – Фирон едва не расхохотался. – Сирх уже ничего не может. Чего стоят слова проповедника, слушать которого народ сгоняют силой? Я удивляюсь тому, что наместник, который, как говорят, человек совсем неглупый, до сих пор не нашел Сирху замену? Учитель, – подавшись вперед, Фирон навалился грудью на край стола. – Тебе надо снова начать проповедовать! Народ пойдет за тобой!

– Куда он за мной пойдет? – недовольно поморщился Граис.

– Да куда угодно! Хоть против Кахимской империи!

– Пойми, Фирон, – с тоской в голосе произнес Граис. – Йер не имеет достаточно сил для того, чтобы выступить против империи. Это будет бессмысленная бойня, которая закончится уничтожением большей части йеритов.

– Да все я понимаю, – Фирон тяжело вздохнул, плечи его поникли. – Вот только невыносимо жить под пятой завоевателей. Порою думаешь, хотя бы раз вдохнуть воздух свободы, а после можно и умирать.

– Так может говорить человек, который заботится только о себе, а не о своем народе, – ответил ему Граис. – Нет худшего преступления, чем попустительствовать стремлениям. Я скажу тебе даже больше, Фирон: сейчас власть империи – благо для Йера. Завоеватели не раздавили нашу страну, а, напротив, заставили сплотиться прежде разрозненные кланы йеритов, которые, должно быть, впервые за всю свою историю почувствовали себя единым народом. Сегодня на базаре меня называли северянином, но это звучало не оскорбительно, как прежде, когда под словом «северянин» подразумевалось «дикарь». Теперь оно звучит, как слово «друг». Если бы Йер не захватила империя, то его растащили бы на куски воинственные соседи.

– И что же дальше? Так и жить с Кахимской империей, сидящей на загривке?

– Ни одна империя не может существовать вечно. Ее раздирают изнутри собственные противоречия. Кахимская империя, так же, как многие другие до нее и после нее, вскоре рухнет, и тогда Йер станет единым сильным государством.

– И сколько же ждать падения Кахима?

– Все во власти Поднебесного, – развел руками Граис. – Хотя я не стал бы надеяться на то, что нам доведется это увидеть.

Фирон покачал головой и, залпом осушив свою кружку, закусил рыбой.

– И что же ты собираешься делать? – спросил он Граиса после долгой паузы.

– Я должен помочь Сирху вернуть доверие народа, – ответил Граис.

– Неблагодарное занятие, – криво усмехнувшись, покачал головой Фирон.

– Быть может, ты слишком строго судишь Сирха, – мягко и даже чуточку вкрадчиво произнес Граис.

– Как уж заслужил, – довольно резко отозвался Фирон.

– Замените умелого мастера-плотника, – и редко найдется такой, кто не поранит себе руку, – сказал Граис.

На это Фирон ничего не стал отвечать, только как-то неопределенно мотнул головой.

– Пойми, Фирон, Сирх сейчас единственный в Йере, кто может свободно нести свое слово людям, – продолжал Граис, словно оправдываясь за слова, произнесенные перед этим. – А время не ждет. Бунт, как ты сам говорил, может вспыхнуть не сегодня, так завтра. Поэтому приходится выбирать меньшее среди двух зол: возвышение Сирха или гибель Йера.

– Учитель, – преданно посмотрев на Граиса, сказал Фирон. – Я пойду за тобой, куда бы ты ни приказал.

– Ах, Фирон, Фирон, – с досадой покачал головой Граис. – Разве ты забыл, что я всегда требовал от своих учеников не слепой веры, а понимания моих слов.

– Умом я понимаю: то, что ты говоришь – правильно. Но сердце мое, – Фирон безнадежно всплеснул руками, – отказывается принимать такую правду!

– Через слабость побеждают силу, – сказал Граис. – Через мягкость побеждают твердость.

– Хорошо, учитель...

Фирон не успел закончить начатую фразу.

Дверь, распахнутая ударом ноги, с грохотом ударилась о стену, так что один из трех пьяниц даже вскинул голову, которая, впрочем, через миг снова стукнулась лбом о доски стола.

С улицы вошли трое шалеев. Ночная стража, понял Граис, увидев черные плащи, накинутые поверх их обычной формы. Он почему-то сразу догадался, что это пришли за ним. Обмануть фантомом троих бдительных стражей вряд ли удастся. К тому же рядом был Фирон, который, не зная, что происходит, мог вмешаться в самый неподходящий момент.

Двое шалеев остались возле двери. Третий, окинув взглядом помещение, направился сначала в сторону пьяной троицы. Из всех троих его интересовал только один, светловолосый.

Схватив пьяницу за волосы, шалей приподнял его голову, чтобы взглянуть на концы сползшего с плеч платка. Пьяница что-то недовольно замычал, но, получив по зубам, тут же затих.

Оставив пьяных, шалей подошел к столу, за которым сидели Граис и Фирон.

– Ты с севера? – спросил он, вытянув руку в сторону Граиса.

– Да, – спокойно ответил тот.

– Ты пойдешь с нами, – шалей махнул рукой в сторону двери.

– В чем моя вина? – спросил Граис.

– Какой-то светловолосый северянин учинил сегодня беспорядок на рыночной площади, – безразличным голосом ответил шалей. – Видевшие его опознали в нем опасного бунтовщика.

– Этот человек не имеет никакого отношения к происшествию на рыночной площади, – быстро заговорил, глядя на шалея, Фирон. – Он мой родственник. Я постоянно проживаю в Халлате и могу поручиться за него.

– После разбирательства всех невиновных отпустят, – буркнул шалей и, посмотрев на Граиса, снова махнул рукой в сторону выхода.

– Я пойду с ними, – сказал Граис Фирону. – Все будет в порядке.

Поднявшись на ноги, он накинул на голову платок.

– Но, учитель...

– Не волнуйся за меня, – сказал Граис. – Эти достойные стражи не причинят мне никакого зла. Им нужен бунтовщик. Ты же слышал: завтра все невиновные будут освобождены.

Обращаясь к шалеям подчеркнуто уважительно, ксенос держался спокойно и уверенно. Главное – не вызвать у стражей преждевременных подозрений. А уж на улице он без труда сумеет от них избавиться.

Пропустив Граиса вперед, шалей направился к выходу следом за ним.

Фирон вскочил на ноги, опрокинув скамью. В глазах его пылала решимость.

– Нет, учитель! Я не могу допустить, чтобы с вами снова что-то случилось по моей вине! – крикнул он и, выдернув из-за пояса нож с узким лезвием, кинулся на сопровождающего Граиса шалея.

Оглянувшись, шалей увидел бегущего на него человека с ножом в руке и отшатнулся в сторону. Другой шалей, стоявший у двери, сдернул с плеча бич.

Конец бича, сплетенный из тонких кожаных полос, шелкнув в воздухе, захлестнулся на запястье руки Фирона, в которой он сжимал нож. Шалей рванул бич на себя. Конец бича сорвал с запястья Фирона широкую полосу кожи. Выпавший из онемевших пальцев нож закатился под стол.

Шалей, на которого попытался напасть Фирон, обнажил короткий обоюдоострый меч и, оскалившись, двинулся на йерита. Одновременно с выпадом шалея Фирон подпрыгнул и обеими ногами ударил противника в грудь. Шалей не устоял на ногах, но успел зацепить острием меча бедро Фирона.

Увидев, как обагрились кровью белые штаны ученика, Граис выбросил руки в стороны, и стоявшие по бокам от него шалеи, не издав ни единого звука, рухнули на пол. Бросившись к лежащему на полу Фирону, Граис на бегу провел раскрытой ладонью над затылком поднимающегося на ноги шалея с зажатым в руке мечом. На одно короткое мгновение в глазах кахимского солдата мелькнуло изумление, после чего он растянулся на полу, все еще продолжая тянуть руку с оружием в сторону Фирона.

Присев на корточки возле ученика, Граис приподнял его, обхватив за плечи.

– Ну и что теперь? – с досадой произнес Граис. – Чего ты добился?

Он быстро провел рукой над распоротым бедром Фирона, чтобы хоть ненадолго снять боль и остановить кровотечение.

– Я не мог позволить им увести тебя, учитель, – едва слышно произнес Фирон.

– Да, Фирон, – Граис похлопал ученика по плечу. – Я понимаю... Только что нам теперь делать?

– Здесь неподалеку мой дом, – облизнув сухие губы, сказал Фирон. – Если ты сможешь мне, мы доберемся туда прежде, чем явится новый патруль.

Граис покосился в сторону перегородки, из-за которой испуганно, не рискуя выходить, выглядывали хозяйка постоянного двора и ее молодая помощница.

– Хозяйка знает тебя? – спросил Граис у Фирона.

– Да, – кивнул тот. – Но они ничего не скажут шалеям.

Достав из кармана кожаный кошелек, Граис вытряхнул на стол горсть монет, которые с лихвой должны были покрыть стоимость всего съеденного и выпитого им и Фироном.

– Поднимайся. – Перекинув руку Фирона через плечо, Граис помог ему подняться на ноги. Однако, попытавшись ступить на раненую ногу, Фирон застонал от боли и повис на поддерживающем его Граисе.

– Не могу, – прошипел он сквозь зубы. Граис дотащил Фирона до двери. На улице уже была ночь. Лишь местами темноту рассекали косые, тусклые лучи света, вырывающиеся из-за штор окошек соседних домов. Но от их присутствия мрак вокруг казался еще более глубоким и плотным.

– Куда идти? – спросил Граис.

– Туда, – взмахом руки указал направление Фирон. – А потом – налево, в проулок.

– Далеко?

– Будь я на ногах, добрались бы за десять минут.

– Ну, что ж...

Фирон ничего не успел сказать, как Граис, приподняв ученика за пояс, взвалил его себе на плечи. Развернувшись в указанном Фироном направлении, Граис сделал два глубоких, медленных вдоха и побежал. Поступь его была пружинистой и легкой, хотя из-за груза на плечах двигался он не слишком быстро.

Свернув в проулок, Граис ненадолго остановился, чтобы повторить дыхательное упражнение, и побежал дальше.

– Здесь, учитель, – едва слышно прошептал у него за спиной Фирон.

Очертания дома, возле которого они остановились, тонули в темноте. Фонарь, висевший у порога, освещал только дверь, грубо сколоченную из неровных досок. Бродя по окраинам Халлата, Граис повидал сотни таких дверей, если не тысячи. За каждой из них ютилось семейство, едва сводившее концы с концами, живущее в каждодневном страхе перед нищетой, стоящей у порога.

Граис осторожно поставил Фирона на ноги. Когда рука его скользнула по штанине ученика, он почувствовал, что ткань промокла от крови, которая снова сочилась из растревоженной раны.

Привалившись плечом к дверному косяку, Фирон трижды коротко стукнул в дверь.

В соседнем дворе пару раз тявкнула гарата.

Фирон быстро оглянулся. Граис увидел, что лицо его мертвенно-бледное, – не то от боли, не то от страха.

Дверь чуть приоткрылась, и чей-то испуганный взгляд окинул поздних гостей.

– Это я, Мида, – сдавленным шепотом произнес Фирон.

Из-за двери выглянула девушка.

В неясном свете висящего над дверью фонаря Граис почти не разглядел ее лица. Быстро взглянув на брата, она метнула настороженный взгляд в сторону его спутника.

– Он переночует у нас, – тяжело опираясь рукой о косяк, произнес Фирон.

Освобождая проход, девушка отошла в сторону.

Обхватив Фирона за пояс, Граис помог ему войти в дом.

– Он ранен, – взглянув на девушку, ответил на ее немой вопрос Граис. – Ничего серьезного. Я обработаю рану. Фирону придется только несколько дней полежать...

В доме имелась только одна большая комната. Легкая перегородка в дальнем углу обозначала место, отведенное под кухню. Потолок был настолько низким, что Граис инстинктивно втянул голову в плечи. Стены также несли печать безнадежной бедности – никаких украшений, только крохотный коврик с незатейливым орнаментом, похожим на стаю странных треугольных птиц с острыми крыльями, висел на противоположной от входа стене. В центре комнаты стоял грубо сколоченный из неровных досок стол, на нем – несколько акисов и зажженная свеча, воск с которой стекал на подставленную тарелку.

Расстелив на полу один из тюфяков, лежавших свернутыми в углу, Граис уложил на него Фирона.

Мида тем временем подошла к столу, поправила свечу, клонившуюся набок, и пальцем сняла с нее широкие наплывы воска. Свеча сразу же загорелась ярче, разогнав мрачные тени у стен.

– Нужна горячая вода, – сказал Граис Миде, помогая при этом Фирону стянуть штаны. – И чистая материя для перевязки.

Девушка молча кивнула и ушла за перегородку.

Негромко звякнула медная посуда. Затем послышался звук льющейся воды.

Граис осмотрел рану на бедре Фирона. Ведя пальцами вдоль кровоточащего разреза, он время от времени несильно надавливал на активные точки, чтобы вызвать местную анестезию. Рана была неглубокой, но длинной. Для эффективности заживления необходимо было наложить с десяток швов.

Закончив осмотр, Граис поднял взгляд на молча наблюдавшего за его действиями Фирона.

– Все в порядке, – улыбнувшись, сказал он. – Через десять дней останется только шрам.

– Спасибо тебе, учитель, – тихо произнес Фирон.

– За что? – удивленно вскинул брови Граис.

– За то, что не бросил меня.

– А разве могло быть иначе? – Граис сделал паузу, проведя рукой по бороде. – Это я должен благодарить тебя за то, что ты, рискуя собственной жизнью, попытался спасти меня. Поступок был, прямо скажу, безрассудный, но тем не менее заслуживающий признательности.

– Почему ты хотел уйти с шалеями? – спросил Фирон. – Ведь это тебя они искали.

– Потому что я не знал, где мне провести ночь, – отшутился Граис.

Из-за перегородки вышла Мида. Она несла медный таз, над которым поднимались клубы пара. Через локоть левой руки были переброшены чистые полотняные полотенца.

Поставив таз на пол рядом с Граисом, она впервые взглянула на его лицо. В тот же миг глаза ее испуганно расширились. Отшатнувшись назад, девушка едва не упала на пол. С приоткрытых губ ее вот-вот готов был сорваться крик.

– Ты узнала его, – не зная, радоваться или огорчаться этому, прошептал Фирон.

– Это учитель, – так же тихо произнесла Мида. – Граис из Сиптима.

– Помнишь, учитель, странствуя по Йеру, мы как-то раз на пару дней остановились в доме моих родителей? – повернулся к Граису Фирон. – Сейчас перед тобой та самая девчушка, которую ты тогда держал на коленях. Я и не думал, что она запомнила тебя...

– Но как же разговоры о том, что его тайно казнили? – посмотрев на брата, шепотом произнесла Мида.

– Это долгая история, Мида, – ответил за Фирона Граис. – Сейчас нам нужно помочь Фирону. Мне еще потребуется острая игла и прочная нить. Найдется у тебя?

Девушка быстро кивнула и, вскочив на ноги, кинулась исполнять поручение. Занятие делом давало ей возможность хотя бы временно не думать о странных событиях, происходящих в ее доме.

Граис разорвал принесенные Мидой полотенца на широкие полосы. Сложив одну из них, он смочил ее в воде и обмыл рану на ноге Фирона.

Вновь присев на корточки рядом с Граисом, Мида подала ему большую иглу и моток суровой нитки. Отмотав небольшой кусок нитки, Граис продел его в игольное ушко и вместе с иглой обмыл в горячей воде. После этого он двумя пальцами свел края раны и пронзил их иглой. Фирон даже не почувствовал укола. Освободив нить от иглы, Граис стянул ее концы и завязал в тугий узел. Повторив эту процедуру несколько раз, он наложил на рану двенадцать швов, после чего вновь обмыл ее и плотно перевязал.

– Дней через семь, когда рана полностью затянется, – сказал Граис, обращаясь к Миде, – просто перережешь узелки и вытянешь нитки.

Девушка молча кивнула.

– Ты разве не останешься у нас, учитель? – обеспокоенно спросил Фирон.

– Время не ждет, Фирон, – ответил Граис. – А у меня еще много дел впереди.

– Я должен быть рядом с тобой! – опершись на локоть, Фирон попытался подняться.

Обхватив ученика за плечи, Граис заставил его снова лечь на тюфяк.

– Сейчас тебе нужен только отдых, – повелительным тоном произнес он.

Ладонь Граиса быстро скользнула по лицу ученика. Глаза Фирона закрылись, и голова его медленно опустилась на подушку.

– Мне бы тоже нужно поспать, – обращаясь к Миде, сказал Граис. – Не волнуйся, утром я уйду.

Девушка молча указала ему на свернутый тюфяк в углу комнаты.

Глава 4

Граис проснулся, когда тонкий лучик солнца заглянул в крошечное окошко и принялся щекотать ему веки. Граис отмахнулся от него, как от навязчивой мигаты, но все же открыл глаза.

Рядом на тюфяке, разметавшись, тяжело дышал во сне Фирон.

Приподнявшись, Граис поискал глазами Миду.

Сестра Фирона сидела возле стола, держа на коленях какое-то шитье. Однако девушка только делала вид, что занята рукоделием, на самом деле она краем глаза настороженно следила за гостем.

Только сейчас, при свете солнца, Граис как следует рассмотрел ее – густые, ниспадающие на плечи черные волосы, темные глаза, худенькое личико, изможденное постоянными переживаниями и тяжелой работой, невзрачное серое одеяние.

Поднявшись, Граис одернул на себе рубаху, подтянул шнурок на груди и, наклонившись, скатал тюфяк, на котором спал. Улыбнувшись Миде, он сделал шаг к столу.

Девушка сжалась, словно в испуге. Голова ее еще ниже наклонилась к руке, в которой у нее была зажата игла.

– Можно я возьму акис? – негромко, чтобы не разбудить спящего Фирона, спросил Граис.

Девушка, ничего не ответив, продолжала напряженно наблюдать за гостем.

Граис подошел к столу, взял акис и, положив его на ладонь, поднес к лучику света. Отблески солнца так изумительно красиво заиграли на глянцевої коже румяного акиса, что Граису даже стало жалко есть его.

– Сколько тебе было лет, когда мы впервые встретились? – спросил он у Миды.

– Шесть, – все так же не поднимая головы, ответила девушка.

– Ты стала просто красавицей.

Ответа не последовало.

– Ты хочешь, чтобы я ушел?

Девушка коротко и быстро кивнула.

– Ты боишься за брата?

Мида повторила свой жест.

– Ты знаешь, чему я учил Фирона?

– Да, – глухо ответила Мида. – Брат мне рассказывал. – Она резко вскинула голову, – глаза ее горели лихорадочным огнем. – И не только мне. Первое время он всем пытался рассказывать о тебе... правду. Его дважды хватала стража. Но отпускали... По приказу Сирха... Фирон искал гибели, считая себя виновным в том, что случилось с тобой. А Сирх... Сирх насмеялся над ним. Он говорил: «Ты будешь жить со своими страданиями, и имя твое станет означать для людей лишь одно – предатель»... Только недавно Фирон успокоился, взялся за работу... И тут снова ты... Мертвецы должны лежать в своих могилах, а не тревожить живых...

– Я живой, – тихо ответил Граис.

Не выдержав пристального взгляда Граиса, Мида снова опустила голову.

– Уходи из Халлата, – сказала она, слепо втыкая иглоку в шитье. – А лучше совсем уходи из Йера. У нас есть Сирх – достаточно и его одного...

– Твой брат, по-моему, не очень-то жалуется Сирху.

Девушка встряхнула головой, поправила рукой упавшие на глаза волосы и ничего не ответила.

– Не беспокойся, я сейчас уйду, – сказал Граис.

Накусив акис, он окинул взглядом бедное жилище Фирона и вдруг понял, что ему страшно не хочется отсюда уходить. Как ни беден был этот дом, но в нем царили покой и согла-

сие – именно то, чего всегда так не хватало Граису... И он не хотел ломать это убогое благополучие. Хотя и понимал... Да нет, ничего он сейчас не понимал. Он только коротко бросил Миде: «Прощай» и, переступив порог дома, закрыл за собой дверь.

Вчера вечером, лежа на тюфяке, он, прежде чем уснуть, успел обдумать, как ему добраться до Меллени. Одному пускаться в дальний путь было небезопасно, поэтому он решил присоединиться к каравану торговцев из Тирианского царства, который, как Граис узнал, мысленно общаясь с маленьким дрессировщиком, отправлялся сегодня в Дассатар, находившийся совсем неподалеку от Меллени. Лучше уж было использовать возможности психотехники для того, чтобы убедить тирианских купцов, не задавая лишних вопросов, взять его с собой, чем снова драться с бандитами на большой дороге.

Но утром Граис вспомнил о последнем разговоре с Кричетом и о том, с какой насмешкой отозвался новый руководитель проекта о провалившейся пятнадцать лет назад попытке Граиса донести свои идеи до кахимского наместника в Йере. Именно Кричету принадлежала идея искать контакты не с нынешним наместником, который, судя по той политике, которую он проводил в Йере, был человеком рассудительным и прагматичным, никогда ничего не решающим сгоряча, а с преподобным Сирхом, чей авторитет в Йере уже упал ниже нулевой отметки. Граис и прежде считал, а теперь, поговорив с людьми, знавшими нынешнего Сирха, пришел к окончательному выводу, что, обратившись напрямую к наместнику Центию Офру, он мог бы значительно быстрее достичь желаемого результата. Вот только как это сделать? Как добиться встречи с наместником и заставить его выслушать себя?..

С улицы, по которой он шел, Граис свернул налево, чтобы, обогнув рыночную площадь, выйти на нее как раз в том месте, где стоял караван тирианцев. Он пока еще не пришел к какому-либо окончательному решению по поводу того, на какой из двух ключевых фигур остановить свое внимание, и просто автоматически продолжал следовать в однажды выбранном направлении.

Люди, встречавшиеся ксеносу на пути, скользили по нему взглядами, словно по пустому месту, и проходили мимо. Должно быть, вчерашний переполох на рыночной площади не получил еще широкой огласки. Или же простым йеритам, занятым своими повседневными делами, просто не было никакого дела до облавы, устроенной шалеями на пришлого северянина.

Выйдя на небольшую площадь, Граис очутился напротив величественного храма Поднебесного, основательно и непогрешимо возвышающегося над окружающим пространством и уверенно и прямо устремляющим свои царственные формы к небесам. Пятнадцать лет назад такого храма в Халлате не было. Граис даже засмотрелся на стрельчатые окна и ажурные перекрытия. Красиво... Нет, скорее даже не красиво, а грандиозно и смело – словно зодчие возвели не храм, а переход, соединяющий человека с небом. Невольная дрожь охватывала душу при взгляде на остроконечные шпили, устремленные в беспредельную даль, принадлежавшую до сих пор одному лишь солнцу.

Любуясь изысканной и одновременно парадоксальной красотой удивительного строения, Граис начал неторопливо обходить храм по кругу. Но, сделав всего несколько шагов в сторону, он вдруг увидел скопление людей у ограды, которое прежде было скрыто от его взора левым крылом храма. Людей было не очень много, но все они так оживленно жестикулировали, так громко выкрикивали какие-то слова и так демонстративно хохотали, что создавали эффект присутствия целой толпы.

Странное действие разворачивалось вокруг невысокого деревянного помоста, сооруженного возле самой ограды храма. Вдоль помоста возвышались пять толстых шестов в человеческий рост, рядом с тремя из них стояли люди со связанными за спиной руками. В центре находился старик с седыми, развевающимися на ветру волосами и длинной белой бородой. Слева от него была привязана молодая женщина, безвольно уронившая голову на плечо. Справа –

совсем еще мальчик, лет двенадцати, не больше, затравленно сверкающий огромными полными слез глазами.

По краям у помоста стояли четверо шалеев, вооруженных копьями. Возле ног их виднелись огромные корзины с тухлыми, расплывающимися кислой слизью курматами. Люди, суетившиеся вокруг, то и дело запускали руки в эти корзины и с гневными криками швыряли гнилые курматы в несчастных, привязанных к шестам.

Особенно усердствовал парень лет двадцати с волосами, остриженными коротко, как принято в Кахиме. Он старался, чтобы каждый брошенный им курмат непременно попал в лицо одной из жертв и, если это у него не получалось, отчаянно ругался.

Неожиданно у Граиса возникла шальная идея. Сейчас ему было достаточно сказать несколько слов в защиту наказуемых, чтобы оказаться арестованным. А если при разбирательстве дела он назовет свое настоящее имя, то дело его, несомненно, будет передано на рассмотрение самому наместнику. Слухи о возвращении Граиса из Сиптима наверняка уже начали расплзаться по Халлату. Обстоятельства как будто подталкивали Граиса к тому, чтобы по собственному усмотрению изменить ход операции, чтобы повторить вариант, не удавшийся пятнадцать лет назад...

А, собственно, почему бы и нет? Кто сказал, что Кричет лучше его знает, как нужно действовать в Йере при конкретных обстоятельствах?..

Подойдя к помосту, Граис остановился возле шалея.

– В чем провинились эти люди? – спросил он.

– Отступники, – процедил сквозь зубы стражник.

– И что это означает?

Шалей тяжелым взглядом смерил Граиса с головы до пят.

– Это означает, что они совершили преступление против империи, – мрачно ответил стражник.

– Прости, но я не понял, в чем заключается их преступление?

– Они изучали и распространяли идеи, противоречащие учению преподобного Сирха! – зло рявкнул на Граиса шалей. – Что тебе еще надо знать? Бери и кидай в них курматы!

– Я не считаю, что изучение какого бы там ни было учения является преступлением, – развел руками Граис. – И уж давно не могу взять в толк, каким образом религиозно-философское учение может нанести вред великой Кахимской империи. Какие именно идеи распространяли эти несчастные?

– Откуда мне знать?! – снова рявкнул шалей. – Мне нет никакого дела ни до Сирха, ни до его учения! Не нравится – проваливай своей дорогой!

– Эй, что за дела? – весело улыбнулся Граису парень, подбежавший к корзине за очередной порцией тухлых курматов. – Хватай гниль, пока еще осталась!

– Мне кажется, что эти люди не заслужили того унижения, которому их подвергают, – покачал головой Граис.

– Да ну? – изумленно вскинул брови парень. От удивления он даже забыл о курматах, которые были у него в руках. – Что же ты предлагаешь с ними сделать?

– Если они всего лишь изучали нечто, противоречащее учению преподобного Сирха, то сам Сирх или кто-то из тех, кто разделяет его взгляды, должен вступить с ними в открытый диспут, чтобы доказать свою правоту.

– Они не просто так вели душеспасительные беседы, – ткнул пальцем в стоящих на помосте людей парень. – Они утверждают, что учение Граиса из Сиптима, обвиненного пятнадцать лет назад за подстрекательство к бунту и до сих пор трусливо скрывающегося от справедливого возмездия, превосходит по своей глубине и логике учение преподобного Сирха! Оно, видите ли, более предпочтительно для простых жителей Йера!

– Я не вижу в этом никакого преступления, – спокойно возразил ему Граис. – Как известно, Сирх был учеником Граиса. Поэтому вполне резонно предположить, что он просто развивает идеи своего учителя.

– Да вы только послушайте, что он несет! – обращаясь ко всем, кто мог его слышать, заорал парень. – Преподобный Сирх сумел понять, что учение Граиса несет в себе бунтарскую заразу! – выкрикнул он в лицо Граису. – И он создал свое собственное учение, развенчавшее демагогию Граиса!

– А мне кажется, что учение Сирха базируется именно на том, что говорил Граис, – все так же спокойно ответил ему Граис.

– Пустобрех! – выругался парень.

– А ты сам слышал что-нибудь из того, что говорил Граис?

– Эй! – Парень бросил курматы, которые держал в руках, на землю и уперся кулаками в бедра. – Да ты, я посмотрю, тоже из этих! – Он дернул головой в сторону помоста. – Да к тому же еще и северянин! А ты что стоишь! – повернулся он к стражнику. – Не слышал, что ли, о северянине, который учинил вчера беспорядки на рыночной площади?

– Да того вроде бы уже схватили, – не очень уверенно произнес шалей.

– Так значит, этот тоже бунтовщик! – ткнул пальцем в Граиса парень. – Хватай его, пока не ушел!

Неожиданно он резко ударил Граиса кулаком в грудь.

Граис, намеренно пропустив удар, отшатнулся назад. От падения его спасла рука шалея, схватившего его за шиворот.

Тут же вокруг образовалась толпа.

Сбежались йериты, швырявшие курматы в отступников, подошли и двое других охранников.

– А и правда, похож на северянина, на которого был объявлен розыск, – сказал шалей, державший Граиса за ворот.

– Я не собираюсь бежать, – проговорил Граис, пытаясь мягко освободиться от крепкой хватки шалея. – Я готов ответить перед властями как за свои собственные слова, так и за то, что вменяется в преступление этим несчастным, стоящим на помосте.

– Разберемся...

Шалей выдернул из-за пояса узкий кожаный ремешок и, заведя руки Граиса за спину, крепко связал их.

– Двигайся, – шалей несильно подтолкнул Граиса.

Граис почувствовал, что лично к нему шалей не испытывает никакой неприязни. Он был бы рад отпустить странного чудака, готового вести душевспасительные беседы даже с охранниками, присутствующими при экзекуции, однако собравшаяся вокруг толпа требовала от солдата конкретных действий.

Граис, не сопротивляясь, направился туда, куда вел его охранник. Следом за ними увязался и парень с короткой стрижкой, который без остановки тараторил о том, что это именно он опознал опасного бунтовщика.

Путь их не занял много времени. Вскоре они подошли к большому серому зданию с узкими окнами, окруженному неприступной стеной, высотой в два человеческих роста, с двумя рядами острых металлических прутьев поверху. Ошибиться было невозможно – это тюрьма.

Шалей стукнул кулаком в узкую дверцу, прорезанную в одной из створок массивных, окованных железом ворот. Дверца открылась. Они прошли через широкий, посыпанный песком двор и вошли в здание. Парень, изрыгающий проклятия в адрес Граиса, не отставал от стражников.

Войдя в здание, они сразу же повернули налево.

Гулко стукнула о стену деревянная дверь, и Граис оказался в небольшой комнате. Единственным источником света служила здесь узкая прорезь под невысоким потолком. Даже ребенок не смог бы пролезть в нее и тем не менее она была перекрыта толстыми железными прутьями.

Граис едва успел окинуть взглядом небольшой стол, стул возле него и длинную скамью вдоль стены, как шалей втолкнул его за решетку, отделяющую примерно треть комнаты. Заперев за Граисом дверь, шалей направился к выходу. Парень увязался было за ним, но стражник схватил его за плечо и толкнул на скамью.

– Жди здесь, – сказал шалей и вышел, хлопнув дверью.

Дождавшись, когда в коридоре затихли шаги шалея, парень приподнялся со скамьи и осторожно потянул за ручку двери. Дверь была заперта. Парень нервно провел рукой по волосам. Похоже было, что, следуя за шалеями, он вовсе не рассчитывал оказаться под замком в здании городской тюрьмы. Чтобы хоть как-то избавиться от растерянности и страха, парень снова накинудся на Граиса.

– Что, добился своего, правдоискатель? – язвительным полупшепотом забормотал он со скамьи. – Теперь посидишь за решеткой!

Граис отошел в дальний конец клетки и оперся плечом о стену.

– Ты произносишь слишком много слов, – сказал он, не глядя на того, к кому обращался. – И при этом даже не задумываешься о том, какой смысл в них вкладываешь.

– Поговори, поговори пока, – быстро закивал головой парень. – Скоро тебе язык укоротят!

В коридоре снова слышались шаги.

Громыкнул дверной запор, и в комнату в сопровождении двух шалеев вошел одетый в синюю мантию судебный исполнитель. Он был толст и лыс и то и дело промакивал потную лысину шелковым носовым платком.

– Ну, что здесь у нас? – брюзгливым голосом, ни к кому конкретно не обращаясь, спросил он, усаживаясь за стол.

Рядом с ним пристроился писец. Чернильницу и писчие палочки он положил на угол стола. Доску с расстеленным на ней свитком установил на коленях.

– Это он! – сорвавшись со своего места, парень направил руку в сторону Граиса. – Тот самый бунтовщик!...

– Сядь, – недовольно поморщился судебный исполнитель и посмотрел на стоявшего рядом с ним шалея. – Излагай.

– Неизвестный, – шалей дернул подбородком в сторону запертого за решеткой Граиса, – был задержан на площади возле собора за то, что пытался возражать против наказания отступников.

Писец аккуратно записал каждое его слово.

– Как твое имя? – обратился судебный исполнитель к Граису.

– Граис из Сиптима, – ответил тот.

– Знакомое имя, – судебный исполнитель задумчиво почесал жирный подбородок, но, похоже, так и не вспомнил, где прежде слышал его. – Ты постоянно проживаешь в Халлате?

– Он самозванец! – вновь вскочив со своего места, закричал парень. – Граис из Сиптима, странствующий проповедник, подстрекавший людей к бунту, пятнадцать лет назад указом наместника был приговорен к казни!

– А ведь верно, – хлопнул ладонью по столу судебный исполнитель. – Слышал я эту историю. Что ж ты, милоч, – с укоризной посмотрел он на Граиса. – Не хочешь назвать нам свое настоящее имя?

– Мое имя Граис из Сиптима, – повторил Граис. – И я именно тот странствующий проповедник, о котором вы говорите. Пятнадцать лет назад я действительно был приговорен к казни. Но не за призывы к бунту, а по ошибке. Волей Поднебесного я остался жив и получил свободу.

– Да? – склонив голову к плечу, недоверчиво глянул на Граиса судебный исполнитель. – Что-то в таком случае давно о тебе ничего не было слышно?

– Я странствовал в других землях, – ответил Граис. – В Халлат я пришел только вчера.

– И сразу же начал нарушать законы.

– Я не совершал никаких противоправных действий, – покачал головой Граис. – Я всего лишь высказал недоумение по поводу столь сурового и унижительного наказания людей, вся вина которых заключалась только в том, что они подвергали сомнению то, что остальные принимают безоговорочно, как прописные истины.

Судебный исполнитель вопросительно взглянул на шалея.

Тот молча кивнул.

– Отступники не просто упражняют свой разум, – снова взглянув на Граиса, возразил судебный исполнитель. – Они выступают против учения преподобного Сирха, которое признано единственно верным учением на территории Йера.

– Подвергать что-либо сомнению вовсе не значит вступать с этим в конфликт, – ответил Граис.

Судебный исполнитель откинулся на спинку стула и, недовольно поморщившись, махнул рукой.

– Не люблю я эту словесную канитель. Есть закон об отступниках, и ты пытался нарушить его.

– Всего лишь подверг сомнению, – улыбнувшись, поправил Граис.

– Он даже не оказал сопротивления при аресте, – подал голос шалей.

– Так, – судебный исполнитель звучно припечатал влажные ладони к столу. – Давайте начнем сначала: за что был задержан этот... Граис из Сиптима? Только за высказанные сомнения?

– Свидетель, – шалей указал на пришедшего вместе с ним парня, – утверждает, что этот человек принимал участие во вчерашних беспорядках на рыночной площади.

– Я ничего такого не говорил! – протестующе взмахнул перед собой руками парень. – Я только сказал, что этот, называющий себя Граисом из Сиптима, похож по описаниям на объявленного в розыск северянина!

Судебный исполнитель устало потер пальцами виски.

– Я за вчерашний день повидал столько этих северян... К тому же, как выяснилось, беспорядки на рыночной площади были спровоцированы каким-то малолетним воришкой.

– А нападение на патруль на постоялом дворе, – напомнил писарь.

– Да... Точно, – кивнул судебный исполнитель. – Но никто из того патруля не смог описать напавшего на них. Они даже не помнят, из-за чего, собственно, началась драка. При чем здесь этот северянин?

– Но он утверждает, что он тот самый Граис из Сиптима, – робко произнес писарь. – Тот самый...

– Ну? – впери в него свой взгляд судебный исполнитель. – Говори яснее.

– Граис из Сиптима был приговорен к казни... Нужно бы разобраться, каким образом ему удалось избежать наказания...

– Уф! – тяжело выдохнул судебный исполнитель. – Придется поднимать архивы...

Писарь беспомощно развел руками.

– Вот ты этим и займись! – ткнул в него пальцем судебный исполнитель. – Через три дня из Кахима вернется наместник – чтобы все необходимые бумаги к его прибытию были готовы! – Писарь быстро кивнул. – Поскольку это дело касается непосредственно интересов Кахимской

империи в Йере, мой чин не позволяет мне заниматься им. Рассматривать его должен сам наместник.

Обрадованный таким простым и изящным решением, судебный исполнитель расплылся в самодовольной улыбке.

– Все записал? – спросил он у писаря.

Тот, продолжая водить писчей палочкой по бумаге, быстро кивнул.

– Постановляю до прибытия наместника содержать Граиса из Сиптима под стражей в городской тюрьме! – провозгласив свое окончательное решение, судебный исполнитель небрежно махнул рукой шалеям. – Отведите его в каземат. – Отыскав в складках мантии носовой платок, судебный исполнитель провел им по взмокшей лысине. – Проклятие, не помню, чтобы когда-то прежде в Халлате стояла такая невыносимая жара... Все! На сегодня больше никаких дел!

Глава 5

Каземат, куда отвели Граиса шалеи, располагался в полуподвале того же здания.

Спустившись по крутой каменной лестнице, арестованный и конвоиры оказались в узком сводчатом проходе, освещенном тусклыми масляными светильниками.

Глухо стукнул откинутый в сторону тяжелый кованый засов.

Шалей, тот, что давал показания при судебном исполнителе, приоткрыл низкую дверь и, приложив ладонь к спине Граиса, несильно подтолкнул его вперед.

– Эта камера как раз для тебя, – негромко произнес он при этом. – Спокойная...

Обернувшись через плечо, Граис бросил быстрый взгляд на своего конвоира. Загорелое лицо шалея оставалось безучастным и невыразительным, словно отлитое из темной бронзы. И все же Граис почувствовал, что охранник не испытывает по отношению к нему ни злобы, ни ненависти. Скорее наоборот, – шалею было немного жаль странного чудака, пытающегося открыто отстаивать свои взгляды.

– Спасибо, – так же тихо ответил шалею Граис. – Поднебесный знает обо всем, что делают люди. И ни один добрый поступок, так же, как злой, в конечном итоге не останется без воздаяния.

– И вот еще что... – Шалей неожиданно прихлопнул дверь камеры ногой.

Бросив быстрый взгляд на своего напарника, он протянул Граису большую кожаную флягу, висевшую у него на поясе.

– Пей, – короткое слово, произнесенное шалею, прозвучало как приказ.

Граис поднес горлышко фляги к губам и осторожно сделал маленький глоток. Во фляге была обычная вода, теплая, но чистая. Сделав несколько глотков, Граис протянул флягу ее владельцу.

– Пей больше, – оттолкнул руку Граиса шалей.

Граис удивленно взглянул на охранника. Лицо его по-прежнему ничего не выражало.

Второй шалей молча стоял чуть в стороне, словно не замечая того, что происходило между его напарником и арестантом.

Не видя никакого смысла в том, что приказывал ему сделать шалей, Граис тем не менее не стал спорить. Он снова поднес горлышко фляги к губам и выпил столько, сколько смог, – почти половину.

– Спасибо, – снова поблагодарил он охранника, хотя и не понимал, за что, собственно.

Шалей молча принял флягу из руки Граиса, прицепил ее к поясу и снова открыл перед арестантом дверь камеры.

Едва только Граис, пригнув голову, переступил порог, за его спиной стукнула захлопнувшаяся дверь и лязгнул засов, загнанный в паз сильной рукой шалея.

В камере царили невообразимая жара и духота, приправленная густым смрадом давно не мытых человеческих тел и испарениями нечистот. В первое мгновение Граис ничего не увидел. По сравнению с полумраком коридора, освещенного тусклыми огнями масляных светильников, в камере, казалось, царила непроглядная мгла. Впечатление это еще более усиливала узкая полоска солнечного света, пробивавшаяся сквозь щель, прорезанную под самым потолком, и не освещавшая ничего, кроме ряда серых, покрытых пятнами не то копоти, не то плесени, камней. Однако Граис ощущал присутствие в камере живых людей.

В подтверждение этого, из темноты, откуда-то слева, послышался шелест и негромкое похрустывание.

– Пополнение прибыло, – услышал Граис густой, чуть хриловатый бас.

Граис повернулся на звуки голоса. Глаза его, уже почти привыкшие к темноте, различили охапку сырой, свалявшейся соломы, на которой, привалившись спиной к стене, сидел человек.

Если и рост его соответствовал ширине плеч, то в камере с низким, нависающим потолком, он, наверное, вынужден был стоять, пригнув голову.

Окинув взглядом всю камеру, Граис насчитал в ней еще троих.

– Да пребудет с вами милость Поднебесного, добрые люди, – обращаясь одновременно ко всем, произнес Граис.

– И тебе того же, – усмехнувшись, ответил ему широкоплечий. – Давно уже никто не обращался ко мне столь уважительно.

– Каждый человек достоин доверия и уважения до тех пор, пока не докажет обратного, – ответил Граис.

Он по-прежнему стоял спиной к двери, не двигаясь с места, готовый в любую секунду отразить внезапное нападение. Он не знал, что за люди находились в этой камере, а поэтому, несмотря на слова шалея, утверждавшего, что камера эта спокойная, был настроен на ожидание самого худшего.

– Судя по словам, так ученый, – подал голос невысокий, худой, как жердь, человек, лежавший на соломе по левую руку от широкоплечего. Когда он чуть приподнялся, Граис заметил, что лицо коротышки было сильно заужено книзу, что делало его голову похожей на грушу. – Из храма – не меньше.

– Да какое там из храма! – возразил ему широкоплечий. Теперь, присмотревшись, Граис заметил на его лице широкую черную бороду, свалывшуюся и торчащую клочьями во все стороны. – Ты на его одежду посмотри – бродяга какой-то. Да не стой ты как вкопанный, – обратился он к Граису. – Проходи, устраивайся. Не в гости ведь пришел.

Граис подошел к стене, собрал охапку гнилой, влажной соломы и, прихлопнув ее сверху ладонями, присел, подобрав под себя ноги.

Камера, похоже, действительно была спокойной. Никто из ее обитателей не попытался сразу же указать Граису его место. Что ж, и на том спасибо шалею.

Граис прикрыл глаза и прижался затылком к неровному камню стены. Сейчас ему, первым делом, нужно было сосредоточиться и обдумать сложившееся положение. Сокамерники вели себя смирно, так что о них на время можно было забыть. Мешали только духота и вонь.

Возможно, все складывалось не так уж и плохо. Теперь вместо того, чтобы проделывать долгий путь в Меллению, Граису оставалось только дожидаться прибытия в Халлат наместника. Беседа с ним может оказаться не менее результативной, чем встреча с Сирхом. Сирх – догматик, наместник же – человек, которого прежде всего беспокоят интересы империи. Граис собирался предложить ему преобразования, которые укрепят его власть и успокоят волнения среди коренного населения Йера. Хотя, с другой стороны, существовала незначительная возможность того, что... Эта мысль пришла в голову Граису только сейчас. Наверное, для этого ему нужно было вновь окунуться в атмосферу Йера, почувствовать себя одним из рядовых йеритов... Да, сейчас он понимал, что его выступление на стороне Сирха могло, вопреки ожиданиям Центра, привести не к мгновенному умиротворению Йера, а, напротив, – к мощному всплеску волны негодования, за которой последовал бы бунт, безжалостный и беспощадный. Кто бы мог подумать, что одни и те же слова, изрекаемые разными людьми, могут столь одинаково сильно и одновременно столь полярно влиять на умонастроения народных масс...

От размышлений Граиса оторвал несильный толчок в бок. Справа, припав на локоть, к нему подобрался бородатый.

– Эй, ты чего притих? – негромко спросил йерит.

– Размышляю, – ответил ему Граис.

– Ну и как?

– Что «как»? – не понял Граис.

– Какие мысли приходят в голову?

– Разные, – неопределенно ответил Граис.

– Это хорошо, когда есть о чем подумать, – не стал настаивать на прямом ответе бородач. – Тебя за что взяли?

– На площади возле нового храма наказывали отступников, – ответил Граис. – Кидали в них тухлые овощи. Я усомнился в том, что их вина заслуживает подобного наказания.

– Даже так? – бородач присвистнул и обернулся к остальным, как бы призывая их разделить свое удивление. – Ты что же никогда прежде такого не видел?

– Я давно не был в Йере, – ответил Граис.

– И только из-за этого тебя сунули в нашу камеру? – подал голос йерит с грушеобразной головой.

– Судебный исполнитель сказал, что мое дело должен рассмотреть сам наместник, – ответил Граис.

– Все мы здесь ждем суда наместника, – сказал бородач. – Да только твоя выходка того не стоит. Тебя бы следовало привязать к столбу рядом с теми отступниками, за которых ты вступился, – и все дела. Такие вопросы решает не наместник, а ми-шалей.

– Больно ты скор, – раздался со стороны старческий, скрипучий голос. – Раз мечом помахал, так сразу возомнил себя героем. А я тебе скажу, порою слово может оказаться покрепче стали. Давно ты слышал в последний раз, чтобы кто-нибудь открыто выступил в защиту отступников? Или хоть слово сказал против учения Сирха?..

Бородач ничего не ответил.

– Вот то-то! – споривший с ним приподнялся со своего места, и Граис смог рассмотреть лысого старика с запавшим ртом. – Почему, по-твоему, преследуют отступников? Да потому, что протест в душах людей для империи страшнее, чем открытый бунт, который легко можно подавить силой оружия!.. Что, кстати, и случилось с тобой, Грудвар... Или нет?

– Ты хотел поднять бунт против империи? – удивленно глянул на бородача, которого старик назвал Грудваром, Граис.

– Нет, – смущенно мотнул головой тот. – Какой там бунт... Так...

– Разбойник он, – громко произнес старик.

– А хоть и разбойник! – крикнул, повернувшись в его сторону, Грудвар. – Что с того? Я ведь не йеритов грабил! Мы со Слимом, – бородач кивнул в сторону сидевшего рядом с ним грушеголового, – пытались захватить караван с продовольствием, отправленный наместником в Кахим!

– Вдвоем? – изумился Граис.

– Десять нас было, – помрачнев, ответил Грудвар. – Остальных убили. Бариин только вчера умер от ран в этой камере...

– Что вам – за целый караван, что мне – за авоську с едой, – приговор будет один, – хихикнул старик.

– Как это, за авоську с едой? – удивленно спросил Граис.

– А вот так, – развел руками старик. – Хотел отнести своему сыну поесть, а меня по дороге схватили и приволокли вот сюда.

– Начал рассказывать, так говори все до конца, – обращаясь к старику, сказал Грудвар.

– А мне скрывать нечего, – ответил старик. – Мой сын тоже из отступников. После того, как его приятелей арестовали и выслали на соленые земли, он сам из Халлата ушел. Скрывался у пастухов, а я ему время от времени относил поесть.

– Если твой сын просто отступник, почему же ты ждешь суда наместника? – снова удивился Граис.

– Кто-то из соседей донес, что сын его прячется не у пастухов, а ушел к вольным, – объяснил Граису приятель Грудвара Слим.

– К вольным? – все больше удивляясь, переспросил Граис.

О вольных упоминал вчера в разговоре с ним и Фирон. Однако в памяти ксеноса не содержалось никакой информации, хоть как-то связанной с понятием «вольные».

– Да, приятель, – похлопал Граиса по плечу Грудвар. – Видно, далеко от Йера ты странствовал. Вольные – это и есть те самые бунтовщики, про которых твердят на каждом углу. Мы с приятелями тоже собирались к ним податься, да только дорогу отыскать не сумели.

– Так значит, открытое сопротивление империи уже существует? – обращаясь одновременно ко всем, находящимся в камере, спросил Граис.

Он все еще не мог прийти в себя от изумления. Неужели подобная информация могла пройти мимо внимания работающих на Тессе-3 наблюдателей?

– Да какое там сопротивление, – поморщился старик. – Просто кучки людей, прячущихся где-то в горах. По большей части беглецы с ониксовых копей, отступники да прочий сброд, объявленный в розыск. А то и настоящие бандиты.

– Полегче, старик, – одернул его Грудвар. – Этот «сброд», как ты его называешь, когда-нибудь освободит Йер от деспотии империи!

– Да? – саркастически усмехнулся старик. – И когда же, мил человек, это случится?

– Как только вольные накопят достаточно сил для решительного удара, – ответил Грудвар. Однако Граис заметил, что уверенности в его голосе значительно поубавилось.

– Так значит, вольные пока еще не выступают открыто против империи? – спросил Граис у Грудвара.

– Порою нападают на караваны, – ответил тот. – На небольшие отряды имперских солдат. Но главным образом собираются с силами.

– Они еще двести лет будут собираться, – ехидно заметил старик. – Откуда им взяться-то, силам этим? Для того, чтобы воду собрать, и то бочки нужны.

– Ох, старик, – строго покачал головой Грудвар. – Договорись ты... Нам ведь вместе на ониксовых копиях кайлом махать...

– А ты меня не пугай! – бодро ответил Грудвару старик. – Я-то жизнь свою прожил! А вот тебе на ониксовых копиях жить останется всего пару месяцев!

– Я слышал, что ониксовые копи были закрыты, – сказал Граис. – Месторождение истощилось, и добыча камней сделалась дороже, чем даже невольничий труд.

– Снова открыли, – ответил Грудвар. – Начали копать глубже. Говорят, что теперь шахты доходят почти до самого огня земных недр. Поэтому и мрут там люди, как мигаты осенью.

– Пока есть империя, найдутся и бунтовщики вроде тебя, Грудвар, – снова усмехнулся старик. – Которым не терпится в эти самые шахты.

– Ну что ты с ним будешь делать? – обреченно посмотрел на Граиса бородач. – Так и балабонит весь день. Словно самого его завтра поутру домой отпустят.

– А может, и отпустят! – снова встрял в разговор старик. – Вот вернется наместник, он с моим делом в момент разберется...

Речь его, грозившую затянуться, прервал сухой, надсадный кашель, раздавшийся с кучи соломы, лежащей возле дальней от двери стены, прямо под узкой, выходящей на тюремный двор, щелью. Человек кашлял мучительно и долго, вздохнул, не останавливаясь.

– Снова у Митея приступ, – тяжело вздохнул Грудвар.

Старик, подавшись в сторону больного, пытался как-то облегчить его страдания. Но, как мог заметить Граис, все его действия сводились только к уговорам и попыткам удержать руки страдальца, которыми тот рвал у себя на груди рубашку.

Поднявшись на ноги, Граис подошел к старику и опустился на колени возле несчастного Митея.

Больной был в беспамятстве. Голова его, с закатившимися глубоко под веки глазами, была запрокинута назад. Из угла рта стекала слюна. На впалых щеках горели алые болезненные пятна.

Граис приложил ладони к узкой, впалой груди несчастного. Затем быстро надавил пальцами несколько активных точек на шее. Больной затих, тяжело, надсадно дыша.

– У него астма, – сказал Граис. – Следующий приступ он может не пережить. Ему нужен свежий воздух.

– Где ж его взять? – проворчал старик.

– Тогда дайте воды, – потребовал Граис.

– Нет воды, – ответил подошедший к ним Грудвар. – Воду дают только по полкружки утром и вечером.

Только теперь Граис понял, какую услугу оказал ему шалей, заставив напиться вволю прежде, чем затолкнуть в камеру. В маленьком, душном помещении, разогретом, как коптильная печь, жажда являлась дополнительным средством истязания заключенных.

– Нужно сообщить охранникам, что в камере больной, – сказал Граис, взглянув на Грудвара. – Наверное, его можно перевести в другое, более подходящее для него помещение.

– Ты что, смеешься, – мрачно глянул на Граиса бородач. – Да Митея затем и засунули в эту камеру, чтобы он скорее концы отдал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.